

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАКОВА ОНА ЖИЗНЬ

Подходил к концу ноябрь, месяц тяжелого для моей Родины 1941 года.

28 числа около 4 часов дня Алексей Дмитриевич Коновалов, житель села Война Комаричского района Орловской области, муж Прасковьи Егоровны (родной сестры мачехи Петра), привез Петра в деревню Алешок Асовицкого сельского совета. Ехали на дрогах на гнедой кобылице, бывшей собственности колхоза имени Молотова.

Сухо. Земля мягкая. Заморозков не было, хотя снежок уже выпадал. Следы его Петр видел на Украине и в поселке Суземка. С 26 на 27 ноября заночевал в доме родителей односельчанина Петра Соболева, у Абрама Дмитриевича, работавшего до войны в прокуратуре Суземского района. С сыном его Михаилом, родившемся в 1922 году, вместе учились в Севском педагогическом училище, что за час езды от села Война и деревни Алешок.

Дядя Алексей продолжал рассказ о первых днях жизни при оккупации Орловщины, ни село Война, ни деревня Алешок не были затронуты фронтом.

Наши войска ушли, немецкие прошли, не затронув пока сложившихся ранее устоев жизни. Как будто войны и не было. Разница была в том, что колхозное имущество: лошади, оставшиеся не угнанными, часть крупного рогатого скота и других животных, были розданы населению. То же произошло и с оставшейся сжатой и заскороданной, но не обмолоченной рожью. Разделены и разобраны хозяйственные постройки, а также сельскохозяйственный инвентарь. Деревня находилась в прежнем состоянии. О войне Петру напомнила 152-мм гаубица без замка, оставленная около двора хаты отца отступавшей Красной армией. Стояла она метрах в двухстах от дома у подножия школьной горки, служившей местом игр в «войну» для ребятишек.

Деревня встретила внешним спокойствием. Не было полицейских постов на окраинах населенных пунктов, при въезде и выезде из одного населенного пункта в другой. Такие приходилось встречать на дорогах Украины на более чем пятисоткилометровом пути от населенных пунктов Яблоновка и Хоровец, погранзаставы Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области до Брянщины, на земле оккупированной фашисткой нечистью.

Петру стало известно о событиях, происшедших в деревне Алешок накануне его возвращения домой. О них рассказали дядя Алексей Дмитриевич и Прасковья Егоровна за ту долгую осеннюю ночь, которую он провел у них с 27 на 28 ноября 1941 года.

Главное заключалось в том, что родители и близкие родственники живы и здоровы. Он ждал встречи с ними, тем более, что никого из них не видел с ноября 1934 года, когда, не заезжая домой, уехал из Севска в город Львов для поступления в Львовское военное пехотное училище.

В ГОД СОВЕТСКО - ФАШИСТСКОГО КОНФЛИКТА

1939 год был для семьи Петра особенным годом. Дядя Прокофий освобожден из тюрьмы, где находился под следствием с осени 1937 года по сфабрикованному недругами доносу, и был полностью реабилитирован. Это было радостным событием в его семье. Он был самым младшим из братьев отца, родился 8 июля 1905 года. Его мать, бабушка Петра по отцовской линии, умерла, когда ему было полтора года. Отец Прокофия, Никита Данилович, 1860 года рождения, после смерти жены больше не женился, хотя возраст его не превышал 47 лет. Воспитанием дяди Прокофия занималась не имевшая своих детей жена брата Егора, Аксинья Карповна. Большое влияние на воспитание дяди Прокофия оказал его старший брат Егор. Он был членом РСДРП с 1907 года, участником империалистической и гражданской войны, членом совета рабочих и солдатских депутатов.

Оба дяди были примером и авторитетом для Петра в детские и юношеские годы. Петр с большим вниманием слушал их рассказы о гражданской войне, один дядя был из участников ее, а другой - свидетелем тех событий, которые были еще свежи в его памяти. Любил слушать рассказы о службе в Красной армии, проходившей в Москве, о несении почетного караула у поста № 1. Интересными и тревожными были рассказы дяди Прокофия о коллективизации в деревне, вся тяжесть которой была и на его плечах.

1939 год был сложным в международных отношениях. Освобождение Красной армией Халхин-Гола, западных областей Украины и Белоруссии, и воссоединение их в единую семью. Вступление Красной армии на польскую территорию вызвало в западных странах Европы большое возмущение.

31 декабря В. М. Молотов в своей речи приветствовал исчезновение Польского буржуазного государства, «этого уродливого детища Версальского договора». «Договор о ненападении» с Германией обязывал нас к нейтралитету, Советский Союз последовательно проводил эту линию.

«...Наши войска вступили на территорию Польши только после того, как польское государство распалось. Остаться нейтральными к таким факторам мы, разумеется, не могли, так как в результате этих событий перед нами встали острые вопросы безопасности нашего государства. Советское правительство не могло не считаться с положением населения в Западных областях Украины и Белоруссии, которые оказались брошены на произвол судьбы».

Помнятся слова участника освободительного похода в Западную Украину, Сергея Ивановича Морозова, родственника Петра по отцовской линии, сказанные на митинге граждан деревни Алешок, вскоре после завершения этой кампании.

«Гитлер стремится проглотить всю Европу. Очередной жертвой стала Польша, преданная пилсудчиками (политические сторонники Ю. Пилсудского) и их союзниками - Англией и Францией. В ходе кампании пилсудчики оказывали нашим войскам сопротивление...»

Но судьба Польши и одновременно наших братьев украинцев и белорусов, проживавших в Польше, была решена по-иному. Народы западных областей Украины и Белоруссии с радостью встречали своих освободителей.

- Немецкая армия оказалась у наших границ, - говорил Сергей Иванович, - нам надо крепить свою родную Красную армию, наше государство. В этом главная задача! Честным, добросовестным трудом в сельском хозяйстве мы будем способствовать этому, а если потребуется, встанем на ее защиту.

Забегая вперед, хочется сказать, что Сергей Иванович и его сын Вася стали партизанами, выполняли свой долг до конца.

Вскоре началась война с белофиннами. 30 ноября 1939 года Красная армия перешла границы Финляндии и двинулась вглубь Карельского перешейка с целью исправления границы.

Ленинград, колыбель революции, находился от границы всего в 30 километрах. Переговоры по этому вопросу, продолжавшиеся два месяца, ни к чему не привели. Правительства Англии и Франции направляют в Финляндию оружие и «добровольцев». Отношения между СССР, Англией и Францией обострились.

С Германией в течении всей Советско-финской войны мы оставались внешне корректными.

Петру шел девятнадцатый год. Он начал работать в Севской средней школе. В конце ноября 1939 года был направлен в город Львов для поступления в образовательное военно-пехотное училище. Оно располагалось в здании кадетского корпуса.

Группа, направленная Севским РВК, сдала вступительные экзамены, прошла мандатную медкомиссию и 23 декабря была зачислена его курсантами. В группу входили: Пузин Иван, уроженец села Селечня Суземского района; Денисов Михаил из села Подывотья; Борисов Алексей из Доброводья Севского района и другие. С ними Петр очень сдружился, так как они попали в одну роту. Других, с которыми поступал, запомнил, но, кажется, среди них был Маркин Николай из села Селечня. Среди курсантов роты были уроженцы Новозыбковского, Почепского, Клинцовского районов Брянщины.

Вместе делили тяготы жизни военного училища, вспоминали город Севск, значение которого в жизни российского государства возносили на должный уровень. Вспоминали своих учителей, которые были дороги для них, они питали к ним самые добрые чувства. Это сестры Валентина Алексеевна Теличко и Лидия Алексеевна Зайцева - словесники русского языка и литературы. Константин Алексеевич Фролов и Павел Иосифович Батало - учителя математики. Федор Федорович Волков - учитель русского языка и литературы и Константин Алексеевич Мусатов - учитель химии, завуч педучилища и руководитель большого струнного оркестра, пользовавшегося уважением всего района, тем более учащимися педучилища.

В памяти сохранились и некоторые штрихи студенческой жизни. Многие из учащихся педучилища жили в общежитии на улице Советской, недалеко от Базарной площади. Две комнаты были расположены на втором этаже южного крыла здания, первый занимала прачечная.

В двух смежных комнатах размещалось 9 учащихся второго и третьего курсов, в малой трое: Кузьмичёв Дмитрий Андреевич, Харламов Михаил и Бударин Николай из Селечни. Комната на 6 человек, в которой жил Петр, была проходной, в ней находились еще: Пузин Иван, Цыганков Сергей и Бычков Никифор из села Война, Боровых Иван Афанасьевич из Аркино и Клинухов Николай из Хомутовки, земляк Дмитрия Андреевича Кузьмичёва из Хомутовского района Курской области.

22 октября 1938 года выпал первый снежок. Решили отметить его появление по-своему - боем пуховыми подушками, состязанием между жильцами комнат, да так, что потом много пришлось потрудиться, чтобы освободиться от разлетевшегося во все уголки комнат пуха.

Или другой случай, хотя он не из очень хороших. Молодость, есть молодость.

Решили навестить девушек-однокурсниц, живших в женском общежитии, расположенном в 200 метрах от нашего общежития. Время было вечернее, девушки готовились к занятиям и не разрешили войти к ним в комнату. Ребята поступили иначе, взялись за дверную ручку их комнаты, как в той сказке «Репка», и вошли. А через день или два их имена стояли под прекрасно нарисованными карикатурами персонажей в стенной газете педучилища с описанием «подвигов» хождения в гости к однокурсницам. Петр был изображен первым, державшимся обеими руками за дверную ручку и упирающимся левой ногой в стенку у дверной коробки. Его товарищи, взявшись друг за дружку, тянут его на себя. И смешно, и грустно, но так было... И бывшие учащиеся, готовившиеся работать учителями, став курсантами военного училища, часто в минуты отдыха вспоминали жизнь, проходившую на гражданке в стенах педагогического училища. Мечтали о будущей военной жизни, которой решили посвятить себя навсегда. Так думали они в первое время учебы в военном училище.

О том, что скоро придется встретиться лицом к лицу с фашистами, у них думок не было, был заключен пакт о ненападении с Германией, а в марте 1940 года, когда еще были курсантами, закончилась война с белофиннами. В этом же году в состав Советского Союза вошли Бессарабия и Прибалтийские республики. Страна перестраивала свою промышленность, укрепляла границы, однако в мире было неспокойно. Надвигалась война. Фашизм расползлся по странам Европы, как коричневая чума. Были оккупированы Бельгия, Нидерланды, Дания. Разгромлена французская армия. Потери немцев на Западе были незначительными. При вторжении немцев во Францию их потери составили около 30 тысяч человек убитыми, Франция же потеряла 112 тысяч убитыми (не считая раненых и двух миллионов солдат и офицеров, взятых в плен). Под пятой немецкого сапога оказались и другие страны Европейского континента. Пламя Второй мировой войны разгоралось, создавалась угроза нашей стране, родине В. И. Ленина, Великого Октября.

В июле 1940 года Гитлер приказал готовить план вторжения в Советский Союз. Окончательное решение начать «операцию Барбаросса» было принято им лишь 18 декабря 1940 года. До этого В. М. Молотов дважды встречался в Берлине с Гитлером.

Правительство и ЦК нашей партии делали все, чтобы не допустить войны. Одновременно укреплялись наши западные границы в связи с их изменением в 1937 - 1940 годах. Жаль, что укрепления на старой границе были заброшены, вооружение демонтировали, хотя сохранились заставы, к тому же незначительные.

* * *

Заканчивался год учебы курсантов первого набора во Львовское военно-пехотном училище. Подходило к концу и пребывание Петра в старинном городе Львове. С воинской жизнью, курсантской дисциплиной свыклись. Нравились вечерние строевые прогулки. Проходили они, как правило, по Старинному шоссе, берущему свое начало у стен военного училища и рядом находившегося красивого Стрыйского парка, гордостью горожан города Львова, основанного примерно в 1250 году. В декабре 1939 года при входе в этот прекрасный парк можно было прочесть таблички-объявления, в которых говорилось о том, что вход в парк запрещен ... «евреям и собакам». Парк был любимым местом отдыха знатных людей города Львова.

Наступил декабрь 1940 года. Снег выпадал часто, усилились и холода. Началась передислокация училища. Первоначально их отправили в город Овруч, Житомирской области. До них там была расположена какая-то воинская часть или, может быть, полковые школы. Овруч - районный центр области, железнодорожный узел, имелись предприятия по добыче нерудных ископаемых, была и пищевая промышленность.

Ни город, ни здания, в которых располагались подразделения училища, курсантам не понравились. Ни то, ни другое нельзя сравнить с городом Львов, с тем бывшим кадетским корпусом, в котором они начали учебу.

Была зима. Помещения отапливались каменным углем, который горел в голландках очень плохо, водяное отопление отсутствовало. Очень доставалось курсантам, когда они назначались в наряд по роте. Какие бы трудности не испытывали, курсанты занимались упорно и настойчиво. Были частые учебные тревоги, марши-броски от трех и более километров. В этом была необходимость.

Обстановка в Европе обострялась. Гитлер, чтобы еще больше скрыть подготовку к войне с СССР, в феврале 1941 года пошел на заключение нового советско-германского торгового соглашения на период с февраля 1941 года по 1 августа 1942 года. Это было стремление к притуплению бдительности советского народа. Немцы начали перебрасывать свои войска в Болгарию. ТАСС заявил, что это делается без ведома и согласия СССР.

В Советском Союзе произвели изменения в руководстве вооруженными силами, Г. К. Жуков занял пост начальника Ген. Штаба.

Германские войска стояли теперь в Венгрии, Болгарии и Румынии. 7 апреля в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС о том, что Германия объявила войну Югославии и Греции. Она продвигалась к границам СССР. Здравомыслящие люди в Советском Союзе понимали, что опасность войны была огромна. Правительство СССР получало на этот счет особые и серьезные предупреждения.

Стаффорд Криппс (с мая 1940 по январь 1942 г. посол Великобритании в СССР) в начале февраля, после своего визита в Анкару, сообщил советскому комиссариату иностранных дел, что немцы готовятся вторгнуться на Балканы и что «в недалеком будущем» они планируют также нападение на СССР.

Примерно в это же время Самнер Уэллес (дипломат США, заместитель госсекретаря) передал аналогичную информацию советскому послу в Вашингтоне Константину Уманскому, знаменитое послание У. Черчилля И. В. Сталину.

Эти предупреждения воспринимались советскими руководителями с подозрительностью, как «не беспристрастные» (как попытка втравить русских в войну). Правительство Советского Союза стремилось обезопасить Советский Дальний Восток. 13 апреля, в день падения Белграда, был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Подписал его от Японии Мацуока, министр иностранных дел.

http://www.belousenko.com/books/memoirs/werth/werth_war.htm

Подходило к концу и время нахождения Львовского военно-пехотного училища в Овруче. В апреле началась передислокация его в город Киров (Вятка). Пулеметный учебный батальон прибыл туда 17 мая последним.

5 мая Сталин выступил перед выпускниками военных академий. 6 мая он был назначен председателем СНК (Совнарком - Совет народных комиссаров) СССР, В. М. Молотов - заместителем председателя СНК, оставаясь в тоже время наркомом иностранных дел.

Еще находясь в Овруче, курсантам произвели примерку шинелей, обмер тела курсантов для подготовки обмундирования. Город Киров встретил хорошей погодой, стояли солнечные дни, хотя давали знать о себе и весенние ветры. Расположен он на высоком холме, на берегу большой многоводной реки Вятка. Центральная площадь хорошо убрана и застроена большими зданиями, на окраинах города деревянные постройки. Улицы не мощенные, много грязи и пыли.

Железнодорожный вокзал у подножия возвышенности, по крайней мере, такое впечатление о нем от короткого ознакомления в последний месяц нахождения в стенах военного училища. Училище было расположено в нескольких зданиях на противоположном берегу реки.

После перебазирования и устройства началась обычная жизнь: тактические занятия, строевая подготовка на плацу. В учебных кабинетах находились мало. Приближались летние месяцы, шла подготовка к экзаменам.

Еще в ноябре 1940 года, когда находились в городе Львов, ходили слухи о досрочном выпуске курсантов. В городе Киров была произведена реорганизация. Укомплектован учебный пулеметный батальон, который начал заниматься по уплотненной программе. Готовили командиров пулеметных взводов. Прошел слух, что пулеметчиков выпустят досрочно. Вскоре об этом сообщили на вечерней поверке.

Курсанты: Морозов П. Ф., Давыдов Алексей, Денисов Михаил оказались в одной роте этого батальона. Пузин Ваня, друг Петра, остался в прежней роте и был очень огорчен разлукой. Однако, они часто встречались в свободное от занятий время, встречи ограничивались распорядком дня.

Подходил к концу месяц май 1941 года. Чувствовалась какая-то нервозность среди наших командиров. Произведена примерка шинелей. По-прежнему шел учебный процесс.

Стали меньше внимания уделять строевой подготовке, больше занимались тактикой. Отрабатывали темы: «Действия командира взвода», «Роты в оборонительных и наступательных боях», «Взаимодействия между подразделениями в обороне и наступательном бою». Большое внимание уделялось маневру при тех или иных видах боя. Курсанты добросовестно выполняли поставленные задачи, понимая, что им в скором времени придется претворять на практике полученные знания.

Время бежало быстро. Наступил июнь. Петр получил первое письмо от отца. Писали о том, как прошла весна, о посадке картофеля на приусадебном участке, о трудностях, которые переживают. Просили приехать в отпуск, кое-что купить. Дома знали, что он скоро окончит училище и, может быть, приедет в отпуск. Петр знал положение дел дома.

Его отцу было трудно, кроме него было еще пятеро, от пятилетнего до шестнадцатилетнего возраста. Мачеха часто болела, подолгу находилась в городской больнице Севска, где работали более опытные врачи. Петру приходилось часто навещать ее во время учебы в педучилище. Помощи отцу от детей не было. Будучи сам малограмотным, он старался дать образование им, хотя мачеха пыталась препятствовать, и это сказывалось на учебе Петра. К хорошистам он не относился, но и по два года ни в одном классе не сидел, хотя задания на лето получал и, как правило, осенью получал хорошие оценки.

Это случилось в пятом классе, когда было пропущено много учебных дней по причине заболевания малярией. Было бы больше пользы, если бы оставили его на второй год. Это сказывалось на его учебе в последующие годы, а затем и в педучилище. Он «хромал» по математическим дисциплинам, поэтому приходилось изучать программные материалы по учебникам прошлых курсов, что было плохо усвоено, хотя экзамены при поступлении в педучилище, а потом и в военное училище сдавал успешно. Характерно то, что сдавая экзамены при поступлении в педучилище, некоторые его одноклассники, учившиеся в НСШ гораздо лучше Петра, не сдали их. Занимаясь в военном училище, Петр старался не быть в числе последних. Его старания не прошли даром. Ему не один раз объявлялись благодарности за отличное выполнение воинской службы.

В июле 1940 года училище посетил генерал Г. К. Жуков в сопровождении командующего шестой армией генерал-лейтенанта Голикова. Петр был дежурным по роте. В тот же день на вечерней поверке ему дневальным по роте была объявлена благодарность от имени командующего армией генерала Голикова.

Наступило лето 1941 года. Установилась теплая солнечная погода. Поля покрылись зеленью, преобразились леса. Все вокруг благоухало.

12 июня стояла солнечная погода. Тихо. Рота вышла на занятие в поле, километрах в двух от расположения училища. Это была изрезанная местность с кустарниками и небольшим сосновым перелеском. Занятия с третьим взводом, в котором учился Петр, проводил лейтенант Сотников. Курсанты его уважали за требовательность и чуткое отношение к ним. Вообще Петру повезло учиться, а затем служить и воевать, под началом хороших командиров и военачальников.

Около 11 часов дня в район занятий явился дневальный и сообщил командиру взвода лейтенанту Сотникову приказ о том, что роте необходимо явиться в расположение училища. Это приказание было передано и другим взводам. После десятиминутного перерыва взвод был построен и ускоренным маршем отправился в расположение училища. Возвращались и другие подразделения.

По возвращению курсантам было приказано почистить оружие и смазать для длительного хранения, привести в порядок шанцевый инструмент, противогазы и сдать старшине роты.

На 15 часов было назначено построение батальона для объявления приказа НКО товарища Тимошенко о присвоении курсантам воинских званий и назначении их на должности в воинские части. Курсанты были в приподнятом настроении, то же испытывали и их командиры, делавшие свой первый выпуск. Курсанты радовались, что учеба закончилась и что скоро они будут в тех частях и соединениях, куда их направят для прохождения службы.

15 часов. Курсанты построены на плацу. Подается команда: «Училище, под знамя смирно! Знамя вынести!». Строй замирает. Под звуки торжественного марша выносятся знамя училища, и курсанты торжественным маршем с песнями направляются в летний театр парка культуры и отдыха имени Степана Халтурина, расположенного в живописной местности на высоком берегу реки Вятка. Партер театра занимали повзводно. Стоя по команде «Смирно!», зачитали приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР товарища Тимошенко Семена Константиновича за № 00264 от 10 июня 1941 года. Во время чтения кто-то из выпускников упал. Последовало «Вольно!» и чтение приказа продолжалось.

В приказе говорилось, что курсантам присваиваются воинские звания «лейтенант» и указывалось в какие части и на какие должности они направляются для прохождения воинской службы. Петр был направлен в город Шепетовка, Каменец - Подольской области.

13 июня был проведен спортивный праздник, посвященный первому выпуску, нового пополнения командного состава РККА. 14 июня выпускники, молодые лейтенанты, получили обмундирование: шинели, зимнее и летнее обмундирование, хромовые сапоги, нательное белье, постельные принадлежности, плащи, шапки ушанки, пилотки и другие принадлежности мужского туалета. Алые петлицы с позолотой, нарукавные знаки отличия и «кубари» были выданы утром 14 июня.

В этот день командование училища устроило своим первым выпускникам торжественный прощальный обед с напутственными словами и добрыми пожеланиями в здоровье, в несении воинской службы, в выполнении своего долга перед Родиной. С речью выступил полковник Давыдов, начальник училища, кряжистый, среднего роста, с круглым, немного рыжеватым лицом и небольшими по ширине носа усами, уважаемый курсантами командир Красной армии, участник гражданской войны. Товарищ Давыдов добавил к напутственным словам свои пожелания отправляющимся в части: доброго пути, хорошего устройства в местах прохождения службы и отличного выполнения воинского долга перед Родиной.

Перед командным и начальствующим составом училища, а также представителями местной партии, Советской власти и наркомата обороны сидели за столами, накрытыми яствами, уже не курсанты, а молодые командиры, новое пополнение Рабоче-крестьянской Красной армии. Обед прошел в торжественной обстановке при хорошем настроении всех присутствующих.

Было объявлено о порядке отправки выпускников к местам несения службы в разные концы нашей необъятной Родины. Часть из них направлялась для прохождения службы в Киевский особый и Белорусский военные округа. С ответным словом выступил один из выпускников. Он поблагодарил командование училища, командиров подразделений за все то хорошее, что дали им в стенах училища.

- И, если потребуются, - сказал он, - ваши потомки не посрамят своей чести, высокое звание командира Красной армии, отдадут самое дорогое - жизнь свою, за любимую, дорогую нашему сердцу Родину!

Это была клятва перед Родиной и училищем, которую вскоре пришлось выполнять в борьбе с врагом.

Наступил ясный солнечный день 15 июня 1941 года, день расставания с училищем, его командирами и товарищами. Все были готовы к отправке на вокзал, провожали товарищи. Думал ли кто из них, что это была последняя встреча с товарищами. Рукопожатия, объятия, добрые пожелания отъезжающим и тем, кто еще на какое-то время оставался в стенах училища, но не надолго.

Поезд, следовавший на Москву, стоял у перрона вокзала и ждал своего времени отправления - около 10 часов утра. Выпускники, отправляющиеся этим поездом, расположились в двух пассажирских вагонах.

В Шепетовку Каменец-Подольской области, в 745 стрелковый полк 141 стрелковой дивизии 1-го формирования, ехало 10 выпускников первого выпуска Львовского военно-пехотного училища, и среди них Петр.

Привожу выписку из архивной справки Центрального Ордена Красной звезды архива Министерства Обороны СССР, г. Подольск, от 30 декабря 1987 года:

«В 745 стрелковый полк были назначены командирами взводов с присвоением им военных званий «лейтенант»:

1. 5. Добрушин Анатолий Шлемович
2. 16. Тарантул Борис Фадеевич
3. 36. Баега Сергей Семенович
4. 81. Гайдар Петр Семенович
5. 84. Гайко Яков Петрович
6. 85. Гарницкий Андрей Иванович
7. 149. Зильберман Наум Борисович
8. 151. Зражевский Григорий Калистратович
9. 166. Калинин Николай Ильич
10. 633. Морозов Петр Фролович - командиром пулеметного взвода

745 стрелкового полка»

1. Основание: ОП 11484, дом 25, п. 263
2. Основание: ОП 11484, дом 25, п. 183-283

Выписки из приказа НКО СССР №00264 от 10.06.1941 года

Архивные справки: 1. 30.11.1984 г. № 2/170064

3. 30.12.1987 г. № 8/29203

Примечание:

141 стрелковая дивизия 1-го формирования в период Великой Отечественной Войны находилась на Юго-Западном и Южном фронтах в составе войск 6-ой армии.

В декабре 1941 года 141 стрелковая дивизия 1-го формирования была расформирована.

Основание: инв. № 2290, с. 133

Архивные справки подписаны начальниками Архивохранилищ:

1. майором Прошкиным
2. Кремером

В пути следования Петр вспоминал события прошедшего дня, особенно расставание с друзьями, которых знал еще по учебе в педучилище. Обещали писать письма, сообщать о своей службе, учебе. Жалко было расставаться с ними, особенно с Иваном Пузиным, кряжистым, низкого роста крепышом, с лицом больше похожим на башкира или казаха. Это была их последняя встреча. Помнятся, сказанные им слова:

- Вы счастливы, вам присвоили воинские звания. Скоро будете в своих воинских частях. Может быть, получите отпуска, а нам, наверное, не дожидаться этого.

Слова оказались пророческими при надвигавшемся на нашу Родину вторжении немецко-фашистских войск. Это было за неделю до начала войны.

Итак, выпускники расстались с училищем, городом Кировом, где пробыли ровно месяц. Поезд вез их в Москву. Петр и его товарищи любовались природой - лесами, реками, думали об училище, о своих товарищах, о том, куда они едут и что их ждет впереди. А впереди была Москва - столица нашей Родины, первого в мире социалистического государства Союза ССР. Петра, как и его спутников, манила Красная площадь с ее историческим прошлым. Это была его первая встреча с центром государства, создаваемого многими поколениями русского народа на протяжении многих веков. Петр посетил мавзолей имени В. И. Ленина, другие исторические места, здание ГУМа, ЦУМа. Большое впечатление оставило впервые увиденное метро. Петр сделал небольшие покупки: часы марки ЗИМ, две пары калош, которые были куплены по просьбе отца, о чем он сообщил ему в письме незадолго до отъезда из города Кирова. Путь в Шепетовку лежал через Брянск - Киев. Хотелось встретиться с отцом хотя бы в городе Брянске.

Числа 16 или 17 июня выпускники прибыли в город Киев. Это было второе посещение Киева. Первый раз Петр был в нем, когда ехал поступать в военное училище в декабре 1939 года. Тогда с городом ознакомиться не смог. Сейчас такая возможность представилась, была задержка с отправкой из Киева. Закомпостировать железнодорожные билеты на поезд, отправляющийся в Шепетовку, не смогли. Военный комендант сказал, что придется заночевать на вокзале, да и не знает он, какова будет обстановка на следующий день. Задержку на вокзале использовали для ознакомления с городом, его достопримечательностями. Петр побывал в Киево-Печерской Лавре, на Крещатнике, Владимирской горке, Подоле с Красной площадью, на которой стоял памятник - танк, захваченный у интервентов эпохи гражданской войны. Ночевали на вокзале в центре его куполообразной части, постелив под себя газеты. До этого располагались на ночевку на траве недалеко от вокзала. Начали уже дремать, но их подняли подошедшие работники милиции и попросили идти на вокзал.

Все залы ожидания, скамейки на прилегающей площади были заняты людьми, большей частью одетые в б/у военную форму. Это были мобилизованные из запаса военнослужащие, направляющиеся в Западную Украину на строительные работы в пограничных районах. Петр и его товарищи узнали, что эти группы военных находились на вокзале более суток и ждали, как и мы, своей отправки в места своего назначения. Старший группы который раз обращался к коменданту железнодорожного вокзала с просьбой об отправке в Шепетовку. Ответ был один:

- Понимаем вас, но отправить не можем. Вы не одни, вас сотни и всем нужно ехать на Запад, а наличие подвижного транспорта железной дороги не могут это выполнить.

Находясь на вокзале, узнали, что туда же едут эшелоны с войсками 16-ой армии, сформированной летом 1940 года в Забайкалье. Командовал армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, о чем узнали позже по прибытию в город Шепетовку.

«В конце мая 1941 года армия получила приказ передислоцироваться. Первоначально ее местом назначения было Закавказье, близ Иранской границы. В пути следования произошли изменения, и армию направили сначала в Орловский, а затем в Киевский особый военный округ. Пунктами дислокации соединений армии были назначены Житомир, Винница, Бердичев, Проскуров, Шепетовка, Изослав, Староконстантинов.

Части армии:

- 5-й механизированный корпус (около 1300 танков), командующий К.К. Рокоссовский;
- отдельная танковая бригада (300 танков);
- 32 стрелковый корпус;
- 109 мотострелковая дивизия.

В десятых числах июня командир 16 армии генерал-лейтенант М. Ф. Лукин прибыл в Киев к командующему округом генерал-полковник товарищу Кирпоносу. Обменялись мнениями по поводу обстановки на Западе. Оба считали, что война неизбежна. После встречи с товарищем Кирпоносом М.Ф. Лукин направился в место расположения армии. Война застала его в Виннице»

Из книги А.М. Василевского

Ночь была проведена на вокзале. Ничего не оставалось делать, как позавтракать и посмотреть город.

Вся команда, 10 молодых командиров-лейтенантов в новенькой форме с поскрипывающими ремнями и португезами, в хромовых сапогах поднялись на второй этаж вокзала, где находился буфет, чтобы подкрепиться. Рядом с барьером, отделяющим буфет, стоял массивный прямоугольный стол. Хотелось есть. Купили две бутылки шампанского (Петр никогда не пил его, как и другие вина), заказали завтрак и заняли места. Оставались еще свободные стулья.

Подшел к буфету высокий, стройный, худощавый, немного смугловатый капитан в пилотке и в летней форме с полевыми петлицами на воротнике.

- Все ли места заняты? - спросил он.

- Нет, пожалуйста, садитесь, - ответили лейтенанты.

Капитан попросил буфетчицу налить ему 150 грамм коньяка и дать чем закусить, присел к столу. Разговорились.

- «Инкубаторщики», наверное? - спросил капитан.

- Да!

- Какое военное училище окончили?

- Львовское военно-пехотное в городе Кирове.

- Куда держите путь?

Лейтенанты ответили дружно:

- В Шепетовку.

- Да, - произнес он, после непродолжительного молчания, - не вовремя для вас ваш выпуск. В самое пекло попадете, в мясорубку - война приближается и ее, кажется, не предотвратить. Обстановка тяжелая.

После непродолжительного молчания он спросил:

- Слышали по радио сообщение ТАСС от 14 июня по вопросу советско-германских отношений?

Ответили:

- Нет.

Капитан продолжал разговор:

- ...На границе были перебежчики, сообщили, что Гитлер на днях начнет войну. Немецкие войска подтянуты к границе.

Немного подумал и сказал:

- Если война не начнется через неделю, пару недель, или, в крайнем случае, в течении месяца, то ее в этом году не будет. Но она стучится в нашу дверь.

Кто-то из лейтенантов спросил:

- А о чем говорилось в сообщении или опровержении ТАСС?

- Я не верю сообщению ТАСС от 14 июня:

«...переброска германских войск в восточные и северо-восточные районы Германии связана с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям,

а проводимые сейчас летние сборы запасных частей Красной армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных частей и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год».

http://thehimki.ru/novoe_na_thehimki_329.html

Собеседники, выпускники училища, командиры Красной армии молчали.

- Вы видите, что творится на вокзале, на станции. Сколько здесь людского мяса, если начнется война. Мы фактически не готовы к ней, - сказал капитан. - Слухи о готовящемся германском нападении на Советский Союз начали распространяться с апреля месяца, к тому же широко и часто, - сказал он.

Капитан пожелал «инкубаторщикам», молодым командирам Красной армии, успехов в службе и здоровья. На прощанье он сказал:

- Завтра-послезавтра вы будете в своей части, сами увидите обстановку. Будьте достойны своей Родины, командира части.

Настроение было испорчено. После завтрака пошли в город по одному и по 2-3 человека. Кто-то уже бывал в Киеве и был знаком с ним, но большинство нет. Сбор на вокзале был назначен к 16:00 часам.

Петр отправился вместе с Михаилом Щепец на Крещатник, побывали на Владимирской горке, откуда любовались Днепром. Затем посетили Красную площадь на Подоле, здесь их внимание привлек танк-громадина времен гражданской войны, стоявший на постаменте.

День был солнечный и теплый. Все скамейки сквера были заняты отдыхающими киевлянами и их гостями. У танка познакомились с девушками Полиной Кравчук и ее подругой Машей. Обе они были из села Голубовка, Житомирской области. Работали в Киеве. Полина, с которой познакомился Петр, работала прислугой и жила в семье еврея по улице Хорева, занимавшего какое-то руководящее положение. Он эвакуировался вглубь России до оккупации Киева немцами.

До половины дня, если не больше, Петр провел время с Полиной. Они ходили по городу, разговаривали. Обоим девушкам хотелось установить переписку. Около двух часов дня они расстались, девушки пообещали прибыть на вокзал к отходу поезда, к 16:00 - 16:30. Распрощались. А вечером Полина, и Маша, как и обещали, пришли на вокзал. Договорились писать друг другу письма. Надеялись на встречу, если будет такая возможность и если не начнется война.

В Киеве пробыли два дня. В Шепетовку прибыли на следующий день, 19 июня. Расположение 745 стрелкового полка нашли без особых затруднений. Военный городок находился на опушке соснового леса в живописном месте, двухэтажные здания сложены из красного кирпича. В помещении штаба прибывших принял заместитель командира полка по строевой части в звании майора. Беседуя, он сообщил, что полк находится в летних лагерях в районе станицы Красное, восточнее города Львова. Там же находятся все службы полка, в том числе и строевая часть. В расположении городка осталась только служба комендантского взвода.

Майор проверил документы, находившиеся на руках, у каждого из прибывших и сказал:

- Сдадите их в строевую часть по прибытию в полк. К нам прибывает еще пополнение из Ахтырского военного училища. Они будут сегодня, или завтра, но к воскресенью обязательно. После выходного дня, 23-го в понедельник или во вторник. Вы будете направлены к месту службы. Сейчас будьте свободны, питайтесь в столовой, отдохните.

У вас есть пара дней для ознакомления с городом - родиной Павки Корчагина - Николая Островского. В общем, отдохните до понедельника! Сбор состоится 23 июня в 9:00 часов здесь, в помещении штаба, - и еще раз повторил. - Можете быть свободны. Отдыхайте. До свидания!

На полных два дня лейтенанты были предоставлены самим себе. Знакомились с городом, побывали в местах, описанных Н. Островским в романе «Как закалялась сталь». Городишко небольшой. На центральной улице, мощенной булыжниками, был расположен кинотеатр. Много зелени. Помнится, в городе имелись балки, застроенные обычными украинскими хатами-мазанками с соломенной и камышовой кровлей. Железнодорожная станция располагалась в стороне от города, на его окраине. Вплотную к станции подходил лес. Казармы из красного кирпича находились от железнодорожной станции и города недалеко. Они пустовали. В городе было затишье. Охранял его комендантский взвод.

В субботу 21 июня 1941 года после непродолжительного послеобеденного отдыха, а точнее вечером, решили сходить в кинотеатр. Демонстрировался художественный фильм «Александр Суворов». Билеты взяли на сеанс, начинавшийся в 21:00. До сеанса хотелось погулять на улице, заполненной молодежью. Был предвыходной день. Стояла теплая погода. Яркое солнце накалило днем воздух, и вечер был душным. Погода, природа - все вокруг благоухало. Все десять молоденьких лейтенантов, одетые в новую с иголочки военную форму, в темно-зеленых гимнастерках со скрипящими кожаными ремнями через плечо, в темно-синих суконных галифе с окантовкой, в хорошо подогнанных и до блеска начищенных хромовых сапогах, расхаживали по тротуару и скверу, привлекая к себе внимание молоденьких девушек, прогуливающихся здесь же. Это были выпускницы средних школ. Лица их были веселые и жизнерадостные. Они улыбались, шутили, делали свои комплименты лейтенантикам, почти своим сверстникам. Наверное, и те, и другие думали, что они в скором времени познакомятся и станут друзьями. Но этому не суждено было сбыться.

Кинотеатр был по вместимости зрителей небольшой, зрительный зал переполнен. Было душно. Двери открыты. Сеанс прошел с неполадками - то отключалось электричество, то обрывалась пленка. Захватывающий душу исторический фильм демонстрировался очень плохо и зрители выражали свое недовольство. Фильм закончился поздно, где-то около 12 часов ночи, если не позже.

После сеанса вместе с девушками, с которыми лейтенанты познакомились, обсуждали содержание фильма. Незаметно группа распалась. Петр и его напарник с девушками, выпускницами школы, шли по улице, ведущей в военный городок, где жили девушки. Была глубокая ночь. Стрелки часов перевалили уже за два часа. Темно, «ни зги не видно». Договорились с девушками о новой встрече в воскресенье 22 июня в 8 часов вечера. Проводив девушек, Петр с товарищем направились в расположение городка. Они возвращались по короткому пути через картофельные наделы горожан. Показывая этот путь, девушки просили быть осторожными, так как поле ограждено колючей проволокой. Карманных фонариков не было, а зажигая спички, еще больше создавалась непроницаемая темнота. Перелезая через тын, Петр зацепился за проволоку и разорвал гимнастерку, образовался лоскут углом 10 на 12 сантиметров. Он был очень огорчен случившимся, а собравшиеся в казарме друзья шутили:

- Ничего, настанет утро, отнесешь свою гимнастерку знакомой своей. Она заштопает дырку. А рубец большой, работенка будет сложной.

- Справятся. Вдвоем легче будет, - сказал другой. - Не такие рубцы зарастали. А это, так пустяк!

Друзьям было весело. Они смеялись, а Петру не до смеха. Все закончилось тем, что сели на узкие солдатские койки, хорошо подкрепились закупленными днем продуктами: сухой колбаской и консервами, а кто-то достал копченой свинины. Запили съеденное лимонадом и сиропом. Спиртного не было, да оно выпускникам было почти неизвестно. Хорошо подкрепившись, немного поговорили о проведенном дне, о просмотренном кинофильме и уснули мертвым сном.

ВОЙНА

Настало утро 22 июня 1941 года. Воскресенье. Проснулись, к 7 часам все уже были на ногах. Настроение, а может быть даже предчувствие какое-то, было плохим. Главное - неустроенность, 10 лейтенантов ждали прибытия пополнения из другого военного училища и отправления в расположение 745 стрелкового полка. Из командования полка никто не пришел. Сделав разминку и приведя себя в порядок, лейтенанты решили идти на завтрак в столовую, расположенную на железнодорожной станции. Утро было туманное и пасмурное. На проходной при выходе с территории городка узнали, что ночью была какая-то тревога. Пролетали высоко в небе самолеты на восток и обратно. Дежурный сказал, что не стали тревожить, потому что наступил выходной день. На территории городка никого нет, оставшихся командиров полка, передислоцированного в район ст. Красное, в расположении казарм и на территории городка не было. Вероятно, они решили провести выходной день по заранее намеченному плану, на природе. Не появлялся и заместитель командира полка по строевой части, который беседовал с лейтенантами в день приезда в Шепетовку. После короткого разговора на проходной, они направились на железнодорожный вокзал. На пути к вокзалу им попались на глаза несколько пушек на гусеничной тяге. Это были 152-мм пушки-гаубицы. Куда и зачем они двигались, никто не знал. Чувствовалось что-то неладное. Выходной день и такое движение артиллерии. О происходящем ни у кого не спрашивали, да и не у кого было спросить.

На вокзале все стало на свои места. Началась война. Германские войска перешли границу, и с ними ведут ожесточенную войну наши пограничные части заставы.

Около 10 - 11 часов над железнодорожной станцией Шепетовка, где было много народа, в том числе и военных, сделал облет вражеский самолет-разведчик, после чего ушел на запад. После завтрака лейтенанты направились в город на почту и узел связи, чтобы узнать поподробнее о происходящем в городе и на станции из уст работников связи, спросить о возможности отправки посылок родным. Там кроме телефонистов никого не было. От них узнали, что связь работает плохо, о войне ничего конкретного не узнали, до начальства не дозвониться, кажется, началась война. В отношении отправки посылок получили ответ:

- Приносите завтра, сегодня выходной день.

Петр после этого посетил мастерскую по пошиву и ремонту одежды, чтобы сдать гимнастерку для ремонта. К 12-13 часам все возвратились в казармы, где встретили прежнее спокойствие. Отсутствие начальства дало время заняться личными делами: подготовкой вещей, новых покупок для отправки родителям в родные места. Было не до прогулок и отдыха на природе, хотя кто-то предлагал пойти на озеро или реку.

Целый день были предоставлены самим себе (в такой тяжелой для Родины обстановке). Разные мысли лезли в голову. Вспоминали о заявлении ТАСС от 14 июня по вопросу советско-германских отношений, о котором услышали в Киеве от капитана.

23 июня. Наконец-то пригласили в штаб. Выступил командир, ни звания, ни должности не сказав. Он официально сообщил о войне, которую развязали фашисты и о том, что тяжесть ее ляжет и на вас. Он потребовал быть

собранными, из расположения городка без разрешения не отлучаться, а о дальнейших мероприятиях и делах сообщат несколько позже.

- По всей вероятности, отправка приписанных к части не состоится. В связи с объявленной мобилизацией будут использованы на месте в Шепетовке.

- А сегодня, - сказал командир, - подготовьте к отправке своим родным или близким посылки с теми вещами или ценностями, которые сочтете нужными. Держать их при себе нет необходимости, тем более, что война будет длиться не один или два месяца. Думаю, что вы по окончании училища для своих близких сделали кое-какие покупки, подарки. Отложите их. Мы не знаем, что с нами случится, но ко всему должны быть готовы.

После короткой беседы все разошлись и начали готовить к отправке посылки. Петр ходил в швейную мастерскую за гимнастеркой, после чего упаковывал вещи. В этот же день посылка была сдана на почту и через несколько дней в полной сохранности получена отцом на Брянщине, о чем Петр узнал позже, по прибытию домой в ноябре месяце 1941 года. При себе было оставлено: летнее обмундирование, плащ, пилотка и хромовые сапоги - других не было.

Выпускники-командиры оставались первые два дня без подразделений. Все сожалели, что не попали в свой полк, не получили назначений по должности. Была какая-то растерянность, безвластие в военном городке. Держались на осознании своего воинского долга, дисциплине. На что-то надеялись, ждали прибытия пополнения из запаса, так как была объявлена мобилизация приписного состава, ждали своего начальства. По-прежнему при них были документы, полученные при отъезде из училища: продовольственные и вещевые аттестаты. Питаться ходили по-прежнему в столовую, расположенную в районе железнодорожной станции, где при общении с другими командирами узнавали разные новости, а точнее слухи о ходе военных действий, о диверсиях вражеских лазутчиков, шпионаже. Они были неутешительными и противоречивыми. Тем временем самолеты противника начали навеваться на железнодорожную станцию, делали облеты расположенных в военном городке казарм. Сбрасывали бомбы.

Дня через 2-3 в расположении городка появились первые мобилизованные из запаса. Некоторые из них участвовали в польской кампании 1939 года. Были и участники штурма линии Маннергейма. Начали формировать подразделения из прибывших. Очень уставали, сутками не спали: то формирование подразделений, то дежурство по городу. Получил подразделение и Петр, хотя оно именовалось пулеметным, но ни одного пулемета, ни станкового, ни ручного не было. Не у каждого красноармейца оказался карабин. Рота состояла из трех взводов. Командирами двух были назначены выпускники Львовского военного училища, а один из запаса. Другие товарищи Петра, выпускники училища, также получили назначения. Все приступили к укомплектованию подразделений обмундированием и вооружением. Было очень трудно. Времени не хватало для того, чтобы сделать то или иное дело для комплектования взводов, знакомства с подчиненными. Знать личный состав было главным в работе командиров, в выполнении боевых задач. Кто из себя представляли мобилизованные, никто из командиров не знал. Опереться было не на кого. На помощь приходили коммунисты и комсомольцы, занимавшие те или иные должности на гражданке. Они были и старше по возрасту, и опытнее в делах организации и руководства. Петр был благодарен им за помощь. Ему еще не было и 20 лет, он нуждался в такой помощи, поскольку не было еще своего ума, старания. Нужен был опыт. Благодаря помощи этих товарищей рота была укомплектована, обмундирована и, частично, вооружена, в основном винтовками. За хорошую работу Петр получил благодарность от командования. Это вызвало у него гордость за поощрение во вновь формируемой части. по возможности началась боевая подготовка.

Первое время роту посылали на железнодорожную станцию, где вел погрузку 5-й механизированный корпус (К. К. Рокоссовского) 16 армии.

«16 армия была сформирована в Забайкалье, летом 1940 года. В конце мая 1941 года армия получила приказ передислоцироваться в Закавказье, вблизи Иранской границы. В пути следования произошли изменения, и армию сначала направили в Орловский военный округ, а затем в Киевский особый военный округ. Пунктами дислокации соединений армии были назначены: Житомир, Винница, Бердичев, Проскуров, Шепетовка, Изяслав, Староконстантинов.

В десятых числах июня командарм 16 армии генерал армии Михаил Федорович Лукин встретился в Киеве с командующим Киевского особого военного округа генерал-полковником М. П. Кирпоносом. В результате обмена мнениями по поводу обстановки на западе оба пришли к единому мнению, что война неизбежна.

После встречи с товарищем Кирпоносом М.Ф. Лукин направился в места расположения армии. Война командарма Лукина застала в Виннице.

Прибыв в Шепетовку, где в это время вел погрузку девятый механизированный корпус, товарищ Лукин увидел тяжелую картину. Шла ружейная и автоматная стрельба. На вокзале скопились сотни мобилизованных офицеров запаса, разыскивающих свои части.

Командарм с командованием офицеров мехкорпуса организовал отряды для вылавливания автоматчиков, украинских националистов Западной Украины. Зная, что в Шепетовке находятся склады всех видов боевого снаряжения, он не мог уехать с эшелонами своей армии в район Смоленска и оставить Шепетовку противнику без боя.

Никаких других частей в Шепетовке не было. Товарищ Лукин принял решение не погружать сто девятую мотострелковую дивизию и один танковый полк пятого мех корпуса, и всеми силами не допустить проникновение противника в Шепетовку.

С товарищем Лукиным М.Ф. в Шепетовке остались армейский интендант полковник Маланкин, два офицера штаба и два офицера политотдела.

Западная Украина была уже в руках врага, а эшелоны, груженные сельскохозяйственными машинами и зерном, шли через Шепетовку на запад (Львов и другие районы Западной Украины). Остановить поток поездов на Запад было невозможно, так как были забиты все железнодорожные пути, и негде было принимать воинские эшелоны. Таким образом, товарные поезда двигались на Запад, в сторону противника»

Из книги А.И. Еременко «В начале войны»

В Шепетовке чувствовалось, что не было единого командования войсками и городского управления, то есть местной власти. Все это сказывалось на состоянии находившихся там частей, в то числе и молодых лейтенантов.

Помнится такой случай. Только что сформированная рота направлялась походным строем на железнодорожную станцию для выполнения погрузочных работ. Дорога шла по опушке леса. Менее чем в километре от станции из леса вышел человек в форме командира Красной армии и направлялся к подразделению Петра (рота шла замыкающей). Человек в форме старшего лейтенанта, подойдя к замыкающему взводу, спросил у его командира, кто ведет подразделение и кто здесь старший. Затем попросил командира, сопровождавшего колонну подойти к нему.

Петр подошел. Перед ним стоял человек в форме старшего лейтенанта в возрасте 25-30 лет, вооруженный пистолетом ТТ. Видя знаки отличия Петра (младшего по званию), спросил:

- Куда следует колонна, кто старший.

- На станцию, - ответил Петр. - Для какой цели - не знаю. Задание получим на месте.

Старший лейтенант посмотрел на Петра вопросительными, недоумевающими глазами и сказал:

- Можете идти!

В это время из леса, по направлению к станции, выходило еще одно подразделение. Красноармейцы были без оружия. Военный повернулся в обратном направлении и направился в сторону, выходившего из леса подразделения, но вскоре свернул налево и углубился в лес. Лишь много лет спустя, Петр понял, что этот «старший лейтенант» был немецким лазутчиком, и не мог себе простить, что подошел к нему один, не проверил документы. Не покидает мысль, что это был вражеский разведчик, посланный в Шепетовку в форме командира Красной армии.

Наконец, подразделение было сформировано. 26-27 июня были подняты по тревоге ряд подразделений. Вооруженные «трехлинейками» и карабинами, с противогазами и в летнем обмундировании, вышли из военного городка под командованием старшего офицера. С собой несли один или два ящика ручных гранат РГД (ручная граната Дьяконова). В одном из населенных пунктов был сделан привал. После короткого отдыха сопровождавший подразделение командир созвал командиров и сообщил, что они направляются в укрепрайон на старую государственную границу. Он сообщил, что заставы не вооружены. Многие огневые точки были использованы под овощехранилища, в некоторых дотах, вероятно, еще есть картофель. В задачу взводов на заставах входит охрана дотов и других огневых точек от захвата лазутчиками или иными лицами, очистка их от картофеля и других овощей, для передачи регулярной части, которая должна прибыть в укрепрайон и его заставы. Заставы Хоровец, Яблоновка находились в очень живописной местности. Рядом озера богатые рыбой, как об этом говорили местные жители.

Во время марша к месту расположения застав приходилось заниматься боевой подготовкой. Многие из состава роты не умели пользоваться гранатой, хотя Петр сам никогда не бросал боевую РГД во время учебы в училище, однако, ему пришлось объяснить красноармейцам устройство и пользование ею.

Перед броском боевой гранаты у Петра выступили по телу мурашки, но он не показал себя слабаком и, взяв ее в руки, зажав рукоятку, вырвал предохранительную чеку и бросил ее в овраг, находившийся за деревьями сада. Граната взорвалась. Все направились к месту взрыва. Затем было брошено еще две или три гранаты. Учеба прошла хорошо. Сопровождавший роту капитан дал задание и направился с одним из взводов на одну из застав. Взводы Петра были направлены на заставы Хоровец, Яблоновка и, кажется, Красностав. Застава в селе Хоровец располагалась в кирпичном здании рядом с озером. Взводы, находившиеся до нашего прихода на заставах, ото звали в Шепетовку в полных составах в связи с нашим прибытием. С другим взводом Петр прибыл на заставу села Яблоновка, где находилась небольшая группа красноармейцев, и через день-два была отозвана в Шепетовку. Здание заставы находилось метрах в трехстах от деревни в живописном месте, а за заставой озеро. Село было в зелени. Недалеко находился сельский совет, детский сад, школа.

В задачу взводов входило подготовить доты к вооружению и размещению в них ожидавшейся техники. С прибытием ее, взвод Петра должен войти в подчинение командира (если не изменяет память, в Яблоновку должен был прибыть батальон с переданными средствами под командованием капитана Кизлова). В ином случае возвратиться в Шепетовку, если на это будет предписание.

В населенном пункте Яблоновка было беспокойно. Население получило разрешение на эвакуацию. Некоторые из руководителей уже покинули ее или готовились к этому. Связь с Шепетовкой прекратилась, как не стало ее и с другими заставами, особенно с заставой в селе Хоровец, в которой расположился один из взводов роты. Петр чувствовал что-то неладное. Артиллерийская канонада, приближавшаяся с запада, постепенно началась удаляться на север и юг, а потом стала утихать. В ночное время Яблоновка освещалась заревом пожарищ. Появилось какое-то успокоение, надежда на то, что Красная армия остановила немцев или погнала назад. Никаких видов связи с другими заставами не было. На месте у руководителей села узнать что-либо было невозможно, да они и сами ничего не знали. Ждали указаний из района, но надо было что-то делать. Около двух недель шла война. Лилась кровь людей. Родина находилась в огне героических сражений. Силы были неравные. Красная армия с боями оставляла города и села.

В конце июня - начале июля Петр с одним из сержантов решил поехать на заставу в Хоровец, чтобы выяснить обстановку, так как связи с заставой не было, а до города не дозвониться. Раздобыв велосипеды, он с двумя красноармейцами прибыл туда. Село было пусто. На улицах никого не видно, хотя на улице был солнечный день. Они подъехали к заставе. Здание было подвергнуто бомбежке, оно стояло разрушенное и без кровли, стены обуглены после пожара, вызванного разрывом бомбы. Из военнослужащих никого не было. Были раненые и убитые, встретившиеся женщины рассказали, что красноармейцы после налета ушли, а куда - не знают. Ушли и многие жители села. Немного отдохнув на территории заставы, искупавшись в озере, Петр с красноармейцами возвратился в Яблоновку. Обстановка казалась очень тяжелой. Связи ни с Шепетовкой, ни с другими заставами не было, хотя звонки доходили откуда-то, с других участков. Об этом говорили дежурившие в конторе люди (своей связи заставка не имела).

Петр и его подчиненные были предоставлены самим себе. Паники, как и полной дисциплины, не было. Задача по охране огневых точек не имела никого значения, а их было не менее 17 в Яблоновке, если не больше, и было невозможно не только охранять, но и держать их под постоянным наблюдением. Мощнейшие железобетонные укрепления были бессильны по своему назначению.

Оглядываясь назад, думаешь сколько человеческих жизней было потеряно из-за того, что ни старым, ни новым укрепрайонам на новой границе не было уделено настоящего внимания со стороны правительства, а если сказать более объективно, то со стороны руководства нашего государства того времени.

Немцы миновали не только заставы в Яблоновке и в Хоровце, но и в других районах, хотя взяли бы их без особых трудностей. Некому и нечем было защищать ни пустующие доты, ни населенные пункты в целом. Немцы рвались вглубь страны по хорошим дорогам и то, что оставалось у них в тылах, их не беспокоило. Личный состав застав оказался в большом «мешке». Надо было что-то предпринимать, тем более что ряды редели. Были потери от стычек с врагом. Несколько человек исчезли, скорее всего, дезертировали, оставив винтовки штыками, воткнутыми в землю у охраняемых дотов. Это сказывалось отрицательно на психике других. Росло какое-то недоверие. Распространялись и такие вопросы:

- Почему сидим на «могилах», почему не уходим с заставы?! Не думают ли сдать нас немцам? Ведь ушли с других застав?!

Плюс ко всему через населенный пункт шли одиночки и группы военнослужащих Красной армии с оружием и без него, в форме и переодетые в гражданскую одежду, кто во что мог. Все говорили о страшном несчастье, которое пришлось пережить им в боях с немцами. От них узнали, что враг уже под Житомиром и Киевом, Новгород-Волынский взят без боя, говорили они. Посоветовавшись с младшими командирами, было решено - часть бойцов заставы со станковым пулеметом «Максим» расположить в детском садике села.

4 июля 1941 года. Застава редела. Пополнение не прибыло. Руководства села на месте не было. Оно эвакуировалось. В начале месяца видели сражение наших летчиков с немецкими Мессерами. Семь наших краснорядных «Чаек» были сбиты за какие-то 15-20 минут, если не меньше. Летчики некоторых самолетов спустились на парашютах. Попасть в руки немцев они не могли, так как их в ближайших населенных пунктах не было. Это оказало удручающее влияние на состояние и психику красноармейцев. Оставаться на заставе не имело никакого смысла. Личный состав, тем более поредевший, мог в любое время оказаться в руках немцев.

5 июля было решено в последний раз позвонить в город. Там оказались немцы, было решено оставить заставу и идти на восток в надежде найти наши части. Карты не было. Направление держали путем опроса населения. Населенные пункты по возможности обходили. Продвигались медленно. Артиллерийская канонада то приближалась, то удалялась и с севера, и с юга. Ночами небо освещалось заревом пожарами. Как назло стояли хорошие солнечные дни. На душе было больно от того, что приходилось идти с опаской по своей же земле, на которой зрел урожай озимых и яровых культур. Жители готовились к уборке урожая. В пути встречались группы и одиночки красноармейцев и командиров. Кто они, каковы их звания, было неизвестно, но было видно, что некоторые из них уже встречались с врагом, были в боях. На нашу группу смотрели боязливо и, поэтому, старались проводить с нами немного времени.

В беседах с местными жителями, большей частью женщинами, узнавали о том, что немцев видели в соседних селах, и, что они не задерживаясь движутся к Киеву. Говорили, что взят Житомир и оттуда из плена уже пришли красноармейцы. Так ли это или нет, установить не могли.

- С немцами, - говорили они, - виделись на большаках, хотя и на лесных дорогах попадались гильзы от снарядов и винтовочных патронов.

В пути приходилось преодолевать лесные завалы, оставленные нашими частями. Так шли несколько дней, точнее ночей первой декады июля 1941 года. Станным было то, что с каждым километром пути на восток все реже слышалась артиллерийская канонада, все чаще в небе пролетали вражеские самолеты, неся смертоносный груз на восток. Над лесными массивами висели рамы - «Фокке Вульф». Мы понимали, что это разведчики. Пролетали на восток и обратно пассажирские самолеты. Они летели на небольшой высоте без сопровождения. Наших самолетов не было видно.

Из опроса жителей узнали, что недалеко протекает река Случь и находится населенный пункт, поселок городского типа Барановка, где имеется фарфоровый завод. Сказали, что немцев в нем нет, и что там дня два тому назад были наши части. Разговор этот происходил рано утром в лесной сторожке. Решили идти на Барановку днем, имея определенную осторожность. Поселок находился в стороне от железной дороги, километрах в двадцати.

Во второй половине дня подошли к его окраине. На улице не было ни души. Мы были в форме, при оружии. Может быть, жители прятались. С какой стороны поселка зашли в него - не знали, но здесь перешли хорошую грунтовую дорогу, ведущую к реке Случь, на которой сохранился деревянный мост, не тронутый войной. На окраине поселка, недалеко от реки на небольшой площадке у каменного здания из красного кирпича стояла сельскохозяйственная техника: трактора, несколько машин-полупорок (газиков). Одна из них была заправлена бензином и во вполне исправном состоянии. Стояли сельскохозяйственные уборочные машины, среди них и жатки. Задерживаться было нельзя. Посланные на разведку красноармейцы узнали, что за рекой, в лесном массиве, наша воинская часть. Но через мост за реку Случь идти нельзя. Дорога перед ним и мост заминированы, да и нашу группу могут обстрелять красноармейцы

отступающих частей. Люди советовали им идти через деревню Жаборицу, и там перейти реку у плотины водяной мельницы.

Мы направились туда, и под вечер, перейдя реку, были задержаны находившимися на восточном берегу реки красноармейцами из какой-то воинской части, расположенной в лесном массиве. Как потом выяснилось, это были военнослужащие 745 стрелкового полка с боями отступавшие из района города Львова, попавшие в окружение и вышедшие из него. Здесь они узнали, что Житомир в руках врага, и бои ведутся на Киевском укрепрайоне. До Житомира было еще далеко. Однако Петр и его спутники почувствовали какое-то облегчение. Они были у своих. Было доложено об их группе командованию, и вскоре кто-то из старших командиров полка пригласил Петра к себе для доклада и беседы. Он расспросил его о группе.

- Откуда идете? А немцев видели? - спросил старший командир полка.

Петр ему коротко рассказал о себе и об отходе с застав укрепрайона. Потребовали предъявить документы. Петр показал то, что имел на руках: продовольственный и вещевой аттестаты, выданные Львовским военно-пехотным училищем и комсомольский билет. Подошедший старший политрук попросил еще раз рассказать о себе и о красноармейцах. Потом сказал:

- Вы попали в 745 стрелковый.

Поздравив его с прибытием в часть в столь тяжелой для полка обстановке, коротко рассказал о боях и о потерях, о трудностях, которые перенес полк. Пополнение накормили, красноармейцев и младших лейтенантов передали старшему лейтенанту для доукомплектования подразделения. С Петра свалилась забота о красноармейцах, с кем пришлось пережить первые дни начала Великой Отечественной войны. Ему выдали личное оружие - пистолет ТТ (Тулский, Токарева), а карабин Петр передал старшему лейтенанту. Сам был оставлен в распоряжении старшего командира. Так закончился первый день пребывания в распоряжении родного 745 стрелкового полка глубоко в тылу врага на Житомирщине вначале тяжелого периода начала войны.

Передав красноармейцев в подчинение других командиров, Петр был предоставлен на какое-то время самому себе. Через некоторое время к нему подошел лейтенант 745 стрелкового полка и предложил пойти к реке искупаться. День стоял солнечный, жаркий. Вода в реке хорошо подогрелась и купание пошло бы на пользу.

- Немцы в ночь не сунутся, - сказал лейтенант, - им для этого дня хватает.

- Хорошо бы портянки постирать, да смены нет, - вслух подумал Петр.

Мимо проходил старший сержант. Он услышал разговор Петра с лейтенантом, остановился и сказал:

- Метрах в 300-400, в чаще находится имущество ОВС (отдел вещевого снабжения) полка на автомашинах. Там же и начальник, - он назвал его фамилию и воинское звание, - обратитесь к нему. Он кое в чем поможет вам. Ну, а портянки даст наверняка.

Два молодых лейтенанта воспользовались советом старшего сержанта и минут через 15 нашли автомашины (их было три) в густом ельнике. Рядом росли кудрявые березы вперемежку с дубом и осинкой. Ельник отделялся просекой, по которой пролегал лесная изъезженная дорога. Следы транспортных средств говорили о том, что по ней проходила техника. У машин находились водители и несколько красноармейцев с младшими командирами. Скорее всего, это был обслуживающий персонал. Они указали на капитана интендантской службы. Лейтенанты подошли к нему и обратились с просьбой дать им летние портянки, полотенце, мыло и, если можно, вещмешки. Капитан был явно не в настроении, над чем-то задумался и с ответом не торопился. Потом сказал:

- Да, да товарищи, простите меня. Думки разные лезут в голову. Сейчас вам дадут то, что вы просите.

Лейтенанты поблагодарили его за эти слова.

- А больше вам ничего не нужно? Вижу вы раздетые. А ведь спать то придется под открытым небом?

- Спасибо. Мы после купания зайдём, если в чем будем нуждаться, - сказали лейтенанты и отправились по знакомой им дороге к реке Случь на плотину у водяной мельницы.

Дорога шла недалеко от дома, стоявшего на опушке леса, по всей вероятности, лесника. Дом находился в нескольких сотнях метров от реки. Лейтенанты решили зайти в этот дом. Здесь их встретил тот же старший сержант. Он приглашал их после купания зайти к нему, чтобы угостить хорошей тушенкой из телятины. Они поблагодарили за приглашение, и ушли к реке.

После купания, сильно размлевшие, они зашли в дом лесника. Кроме старшего сержанта в доме находились и 3 красноармейца, при них был РПД (ручной пулемёт Дегтярёва). Другие находились на посту. Это было стрелковое сторожевое охранение в составе отделения. В его задачу входила оборона правобережья реки, задержание и направление командованию лиц, оказавшихся в их расположении.

ВСТРЕЧА С НЕМЦАМИ НА РЕКЕ СЛУЧЬ. ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

Приближался вечер. Стояла сухая погода. Жарко. Около 6 часов вечера Петр был приглашен к старшему политруку.

- По поступившим сведениям, - сказал он, - мы находимся на территории занятой врагом, в глубоком тылу у него, где еще не ступала нога фашиста. Наши подразделения заняли оборону на отдельных участках, в том числе и по реке Случь, где может появиться враг со стороны города Барановка и деревни Жаборица. Через реку перекинут деревянный мост. Он не уничтожен и охраняется на случай нашего контрнаступления, но он заминирован. Севернее и южнее моста занята оборона. Там имеются две «сорокопятки» (45-мм противотанковая пушка), станковые и ручные пулеметы. Вам необходимо проверить выбор расположившимся там подразделением позиций для пушек и пулеметов с целью охраны моста и береговой линии реки, на случай появления врага. Через два часа доложить о положении дел на участке.

Петр смог к указанному времени побывать на позиции, указанной старшим политруком, и доложить о результатах проверки. Позиция для «сорокопяток» и станковых пулеметов была удачной. Деревянный мост через реку Случь находился на линии обстрела прямой наводкой и был заминирован. Береговая линия с установленными противопехотными минами находилась на рубеже кинжального огня пулеметов. Бойцы смогут надежно оборонять правый берег реки.

Назавтра, около 8 часов, на левом побережье в районе моста со стороны Жаборицы появились три бронетранспортера с автоматчиками и сходу попытались переправиться через реку, но были остановлены огнем «сорокопяток». Два из них были повреждены, мост взорван. Попытка взять его сходу не увенчалась успехом. Враг попытался переправиться на противоположный берег южнее моста. Несколько немецких автоматчиков, переправившись на правый берег, подорвались на минах и были уничтожены ружейным и пулеметным огнем. Остальные скрылись в находившемся рядом лесу и населенном пункте. Это была очередная победа красноармейцев 745 полка, - бой был скоротечным, но удачным. Он еще раз показал, что бить немцев, где бы они не появлялись, можно и нужно, в каких бы условиях не находились наши части и подразделения.

Во второй половине дня подразделения с автотранспортом снялись с места и направились на восток отдельными группами. В небе над лесным массивом постоянно кружилась «рама». Южнее были слышны одиночные разрывы снарядов и мин. Приходилось вступать в бой или оказываться под минометным огнем врага, особенно при переходе дорог. В одном таком бою в районе населенного пункта Марьяновка при разрыве мины Петр был ранен в ногу и контужен. Дня два он находился при обозе. Продвижение становилось медленным и трудным. Враг стремился покончить с разрозненными подразделениями Красной армии на оккупированной им территории. Движению мешало то, что на захваченной немцами территории было много раненых. Последовало распоряжение:

- Кто может, тот должен самостоятельно идти на восток к фронту. Раненых оставить в населенных пунктах.

К таким относился и Петр. Машины были выведены из строя. Имущество ОВС, находившееся на них было уничтожено. Часть его: бязь, готовые простыни, белье - все то, что не связано с военным обмундированием, а так же музыкальные инструменты (несколько гармоной и гитар) было отдано раненым бойцам, остающимся, а точнее оставляемых на оккупированной территории.

Так Петр остался без своего 745 стрелкового полка. Он, как и другие, взял кое-что из имущества полка. Ничего из имевшегося имущества полка в землю не зарыли. Раздача белья и другого материала из ткани и других предметов, была с целью убедить врага, что эти вещи куплены или подарены. Петру досталось 20 метров бязи. Все это пригодилось в его дальней и опасной дороге по оккупированной врагом территории.

ПОСЕЛОК БЫКОВКА. В СЕМЬЕ ВЕСЕЛЬСКИХ. ВСТРЕЧА С НЕМЦАМИ.

Радость от встречи с 745 полком вскоре осталась позади. Петр был контужен, ранен осколком мины, хотя и легко, но рана заставила расстаться с полком. Впереди была Марьяновка. Он миновал ее глубокой ночью и остановился на отдых в поле неубранной ржи, которая стояла нескошенной. Почти целый день находился под развесистым кустом бузины. Хорошо, что еще были продукты, в основном сухари.

С наступлением второй половины следующего дня продолжал путь по лесному массиву дальше на восток с надеждой, что не сегодня, так завтра встретит своих. Проходя через какой-то населенный пункт, он заговорил с женщиной, от которой узнал, что немцев не было, и их не видели. Наоборот, она спросила, не знает ли Петр, где немцы.

- А вы, не немец ли, переодетый в форму Красной армии, да еще при оружии и ящик с собой ташите? - спросила одна молодуха лет 30.

- Почему похрамываете?

Пришлось Петру рассказать ей о себе, хотя и не всю правду. Еще одну из ночей пришлось провести в одном доме, стоявшем на краю какой-то деревни. О немцах ходили только слухи. Появлялись те из красноармейцев, которые бежали, как они говорили, из плена или вырвались из окружения в боях на границе.

При подходе к поселку Быковка Дзержинского района Житомирской области сильно уставший Петр в конце дня вошел в лес и присел, чтобы отдохнуть и решить, что делать дальше. Наступал вечер. Надо было решать - идти дальше или проситься на ночлег у кого-либо из жителей поселка. Надо было думать и о себе, о том, что шел он один. Было и спокойно, и опасно за свое одиночество. За думками не заметил, как задремал, а может быть, и уснул. Сколько находился в забытии - не знал. Проснулся от толчков в спину. Открыл глаза, поднялся. Перед Петром стояли два молодых человека. Недалеко, метрах в 50, стояла запряженная парой бурых лошадей повозка. Он был в растерянности от неожиданной встречи. Последовали вопросы:

- Кто такой? На вас военная форма, - спросили они, - почему здесь один?

Петр рассказал о себе, но они не поверили услышанному. Слишком молод был, чтобы поверить рассказу.

- Есть ли немцы в поселке? - спросил Петр. - Что слышно о Красной армии?

- В поселке немцев еще нет, - ответили они, - а вот где Красная армия, ты должен нам сказать.

Они выругали его за беспечность, что так можно попасть в руки врагов, которые уже появились в соседних населенных пунктах. При разговоре прошли два командира Красной армии без погон. Они подозвали одного из мужчин и спросили его:

- Нет ли немцев в селе?

Он ответил, что нет и что так идти нельзя, можно напороться на них. От молодых людей Петр узнал, что в поселке имеются военнослужащие, которые вернулись домой. Есть среди них и не местные. Говорят, что вырвались от немцев.

Время подходило к вечеру. Мужчины взяли Петра с собой и привезли в поселок, в дом матери одного из молодых людей. Это была семья Весельской Хелены. Семья большая, но с матерью жили две дочери - Броня, лет 13-14, и Ядзя (Ядвига), младшая. Сын Александр, привезший Петра в дом матери, жил отдельно, как и другие ее сыновья. Всех было шестеро. Это были добрые, с чистым сердцем и душой люди. Они приняли Петра как родного сына, зная его трудное положение, и зная ту ответственность, которую брали на себя в опасное для них время. Петр был переодет в гражданскую одежду. Имевшиеся при нем документы (комсомольский билет, выданный Севским РК ВЛКСМ Орловской области, продовольственный и вещевой аттестаты, полученные при окончании Львовского военно-пехотного училища) и пистолет ТТ были спрятаны хозяйкой. Ему было отведено место для отдыха и сна в горнице - второй части дома. Там же находилась кровать, на которой спали сестры Бронислава и Ядзя. Хозяйка дома тетя Хелена в основном находилась и отдыхала в первой половине дома - в кухне, к которой примыкали неширокие сени.

Два дня он провел спокойно. Опасности не было. Стало известно, что немцы уже хозяйничают в окрестных селениях. Многие из мобилизованных в первые дни войны, оказались дома.

Настал день появления немцев в поселке Быковка. Они начали устанавливать новый порядок. Нашлись люди, которые помогали в их делах. Тетя Хелена сообщила, что были арестованы некоторые активисты поселка и военнослужащие, осевшие в нем по тем или иным причинам (беглецы из плена, окруженцы и другие). В один из дней, около 10 часов утра, немцы появились в соседней хате, где жила женщина с девочкой. Тетя Хелена сказала Петру, что это семья коммуниста. Его самого нет, он ушел в армию или еще куда-нибудь. Соседская хага уступом слева выступала впереди хаты Хелены. В окно, выходящее в сторону приусадебного участка соседки, было видно, как вооруженный немец с холуями вошел в ее хату, через некоторое время оттуда послышался плач женщины и девочки, державшейся за юбку матери. Вышли немец и два гражданских, на веревке они тащили большого подсвинка весом килограммов 50. Подсвинок визжал, немец подталкивал его автоматом. Следом шла хозяйка, плакала и умоляла грабителей отдать ей поросся, так как нечем детей кормить. Немец что-то кричал, намереваясь ударить ее прикладом автомата. Ударил или нет, Петр не видел. К нему подошла хозяйка дома, тетя Хелена, и попросила лечь в постель. Видя, что я наблюдал, как уводили подсвинка, она сказала:

- Это семья коммуниста, кто-то донес немцам об этом, - сказала она и быстро вышла из комнаты.

Петр лег на кровать, стоявшую у окна, из которого видел сцену грабежа в соседней хате. Через некоторое время из сеней послышался разговор. О чем говорили, разобрать было невозможно, хотя говорили громко. Между комнатой, в которой находился Петр, и сенями расположена кухня. Разговор шел на украинском языке. Возникла мысль, что сейчас войдут немцы, заберут и «капут». Или плен, или расстрел. Опасность была и для хозяйки дома. Разговор показался долгим. Вдруг открылись половинки дверей, и на пороге появился немец, - рослый, лохотенный с раскрасневшимся лицом и рыжеватыми волосами на голове. Рукава кителя засучены до локтей, автомат на груди. Он молча подошел к койке, посмотрел на Петра, его голову и спросил:

- Russich soldat?

- Nein, - ответил Петр.

- Warum in den Bettstelle?

- Jch bin Krank, - ответил Петр.

На этом разговор был окончен. Петр не знал, о чем шла речь в сенях, и ждал, что будет дальше. Немец попросил подняться и сесть в постели. Приподнял подушку, матрац, посмотрел, нет ли чего там. Взял со стула брюки, проверил карманы, в них находились карманные часы «ЗИМ». Вытащил их, посмотрел и положил на место. После этой процедуры еще раз посмотрел на Петра, его голову, покрывающую русыми волосами достаточной длины, и сказал:

- Gut! - повернулся и вышел из комнаты.

Послышался разговор из сеней, среди которого слышались голоса девочек. Это продолжалось недолго. Все стихло, а через некоторое время вошла тетя Хелена. Ее лицо было бледное, но милое, материнское. Она была взволнована, но держалась спокойно. Прошла по комнате, подошла к окну, выходящему на огород, посмотрела на хату, из которой выволокли подсвинка, и села на табуретку у койки Петра. Успокоившись, сказала:

- Матка боска, пронесло! Думала, не поверят, - сказала она. - Боялась за себя, детей и тебя.

Потом рассказала разговор с пришедшими. Хозяйка сказала, что ее сыновья не служат в Красной армии, что все они живут на территории поселка и области, а один из них болеет и находится дома в постели. Это подтвердил и местный житель, сопроводивший немца, по всей вероятности служивший в полиции.

Петр прожил в этой семье еще несколько дней. Рана зажила. Боль в области колена спала. Оставаться в Быковке было опасно для Петра, для хозяйки дома и ее семьи. Он понимал, что надо уходить из Быковки на восток, пробираться к фронту через другие населенные пункты. Об уходе намекнула и хозяйка дома, хотя сказано об этом было осторожно:

- Время очень тяжелое, - сказала она. - Родина твоя далеко, да и навряд ли доберешься. Ходят слухи, что немцы уже под Москвой. Может, останешься жить у нас в поселке. Есть хорошие девочки, родители у них добрые. Отцов у двух таких дивчин призвали в армию. Матери их очень хорошие, из детей по одной девочке.

- Подумай, - сказала тетя Хелена, - я могу сходить и поговорить об этом.

Петр понял, что ему советуют пойти в примачи.

- Нет, тетя Хелена, - сказал Петр. - Спасибо за все то хорошее, что сделали для меня. За то, что спасли от гибели. Спасибо за совет. Но я еще молод, мне нет и двадцати. А главное то, что я командир Красной армии, комсомолец, принял присягу. Надо ее выполнять, какие бы трудности не выпали. Я готов покинуть вас хоть сегодня. Большое спасибо за все, что вы сделали для меня. Спасибо Александру, что привез меня к вам, а вы приняли и защитили, как родного сына.

- Нет, нет, - сказала тетя Хелена. - Я не хотела тебя обидеть, но пойми - не сегодня, так завтра будет известно, кто находился у нас все эти дни. Нам всем будет плохо. Я подготовила тебе одежду, но сегодня ты не пойдешь. Саша тебя отвезет. Он и поможет тебе незаметно уйти из поселка. Завтра он поедет в соседнее село к родственникам и тебя туда, возможно, довезет.

Петр был очень рад добрым словам, конечно, жалко было расставаться с этой семьей. На том и порешили.

На следующий день утром Петр надел белую рубашку-косоворотку, расшитую узорами, широкие украинские шаровары. Ему подарили фотографию, на которой был запечатлен сидящий на стуле бравый солдат царской армии с закрученными вверх усами, с саблей на поясе, а на груди белого кителя красовались 4 Георгиевских креста. Эта фотография говорила о многом. Она помогала Петру в его долгом пути до Брянщины. При необходимости он показывал ее старостам в селах, где останавливался на ночь, или лицам, проверяющим документы в пути следования. Когда спрашивали, кто изображен на фотографии, Петр отвечал, что это его родственник, родной дядя, участник Первой мировой войны.

Петр расстался с дорогими его сердцу людьми, у которых нашел душевный покой, внимание и заботу. Не хотелось уезжать из поселка Быковка с Александром, сыном тети Хелены. В семье Весельских были оставлены на хранение документы, пистолет ТТ, гармошка и 10 метров белой бязи. Он унес отсюда душевную теплоту, заботу и добрую память, которой дорожит все последние годы. Это было очень давно, а кажется - вчера.

И опять Петр один в пути по территории, захваченной врагом. Молодой юноша одетый по-украински, с котомкой за плечами, с придуманной для себя легендой, идет на восток. Конечный путь - Орловщина. Дойдет ли он до нее? В котомке хлеб, кусок сала, 10 метров оставшейся, бязи. Тетя Хелена отказалась взять все полотно.

- Оно пригодится в пути, - сказала она. - Пусть благословит тебя бог. Если будешь жив, не забудь нас. Будь осторожен, не доверяйся случайным людям.

Это были слова напутствия, доброе пожелание в неизвестную дорогу, слова печали за поруганную землю. Спасибо им за все то, что сделали они для молодого юноши, оказавшегося в трудном положении в первые дни Великой Отечественной войны.

- Тяжело нашему народу, родной земле. Придет время, и враг будет изгнан. Люди ненавидят захватчиков. Они не первые, не надо поддаваться их обещаниям, красивым словам. Ты видел их жестокость? - спросила тетя Хелена. - Запомни это, тебе еще придется драгаться с ним. Будь честным, люби свою Родину, народ, какие бы он муки не переносил. Плохо началась твоя военная служба, но ты не один и не первый среди многих, которые оказались в твоём положении, а ты в их. Многих здоровых и крепких людей, мечтавших о счастье, жизни, любви, уже нет в живых. Другие, наверное, испытывают «райскую» жизнь в немецких застенках и лагерях смерти. Мои дети, никогда не станут предателями своего народа.

Так с добрыми напутственными словами Петр день за днем шел по глухим дорогам Украины от ее западных границ, как загнанный зверь из устроенной для него западни. Шел один, хотя таких как он на глухих и бойких дорогах было много. С первых дней войны не было дождей. По утрам стояли густые туманы, но к полудню они рассеивались, и опять пекло жаркое солнце. Отдыхать приходилось в созревших хлебах, или в лесу под густыми кустами. Утолял голод по разному - выручали люди в населенных пунктах сельской местности и лесники, жившие в лесу. Было много встречных, шедших на Запад и уже побывавших в боях. Некоторые побывали в плену и были спасены из лагерей женщинами под видом мужей и сыновей. Другие бежали от немцев в период облав. Были и те, кто бежал с передовой, дезертировал, видя грозную силу и мощь врага, его оснащенность техникой. Все они были переодеты в гражданскую одежду, большей частью потрепанную.

После отдыха в лесу Петр при выходе наткнулся на гору металла. Когда подошел, увидел большое количество артснарядов с боевыми головками от 76-мм и 45-мм пушек, сложенное на земле в форме бурта. Неподалеку лежала уйма топографических карт-пятикилометровок с территорией от западных границ и на восток далеко за Днепр. В кустах была найдена газета «Правда», в которой опубликовано обращение товарища Сталина к народу, речь 3 июля 1941 года. Артснаряды и топографические карты, по всей вероятности, были разгружены с автомашин ГАЗ не так давно. Они были сухие и чистые. Красная армия только недавно бросила этот груз. Что касается газеты, то она стала первой газетой, которая попала в руки Петра с начала войны. Она была целехонька, еще никем не прочитана, хотя достаточно выцветшая. Петр прочитал ее от первой до последней строчки, но о положение на фронте ничего не узнал. Газету он оставил на месте. Ознакомившись с топографической картой, Петр решил ее взять с собой. Это был для него ценнейший материал, особенно полоса шириной около 20 сантиметров, на которой была автотрасса от западной границы (Новоград-Вольнский – Житомир – Киев) и дальше на восток за Днепр со множеством других дорог, населенных пунктов, рек, городов и пограничных знаков.

Петр вырезал эту центральную полоску карты, сложил ее и поместил под околышек фуражки-кепки, для придания ей округленности, однако эта вырезанная полоска чуть не стала для него роковой.

На карте Петр нашел населенные пункты Хоровец, Красностав, Барановка, Жаборица, Вьюнки, Новый Завод, поселок Быковка со стекольным заводом и другими населенными пунктами, которые миновал, и где за рекой Случь, в лесу встретил свой родной 745 стрелковый полк. Недалеко пролегла автомобильная дорога, а километрах в двух, а может быть, и меньше, расположен населенный пункт, который не миновать, если выйти на автотрассу Новоград-Вольнский – Житомир – Киев. Многие встречные мужчины и женщины давали совет идти по дорогам, где большое движение немцев. Они мало обращают внимания на тех «цивильных», которые идут рядом с их колоннами или транспортом, в любом направлении. Это армейские части и для них никакое перемещение населения, к тому же «цивильного», не имело никакого значения, так как они верили в успех быстрого уничтожения Красной армии. Немцам было не до них.

- Moskau kaput, Kiew kaput! Russich soldat kaput! - подбадривали своими выкриками встречных или попутных «цивильных» людей.

ВАСИЛЬЕВКА

До Васильевки было около 30 километров, если не больше. Местность пересеченная и изрезанная лощинами и буграми, поросшая кустарниками и перелесками. По карте к ней вела грунтовая дорога. Петр после долгого обдумывания решил выйти через Васильевку на трассу Ново-Волынский – Житомир, как подсказывали встречные люди, а таких было много. Петр решил последовать их совету.

Выйдя из леса, он направился по дороге в сторону Васильевки. Туман стал рассеиваться. Дорога пустынная, не было никакого движения в этот утренний час. Через некоторое время из лощины, поросшей кустарником, вышел человек в солдатской гимнастерке и брюках, пилотке и кирзовых сапогах, с вещмешком за плечами и направился в сторону Петра. Через десять минут они разминулись, посмотрев и не сказав друг другу ни слова. А еще минут через 10 Петр увидел две крытых автомашины, это были передвижные радиостанции. Возле них суетились красноармейцы, а может быть и командиры, так как знаков различия не заметил, за исключением полевых петлиц. Их было человек шесть. Петр решил подойти к ним, потому что их нахождение в этой местности удивило его. Ни солдат наших, ни другой техники, а только две машины. Ему уже было известно о взятии Житомира, немцы продолжали продвижение на восток, в сторону Киева, а тут они, тем более на открытой местности. Подойдя к ним, он попытался завести разговор, узнать, почему они одни, может, есть части. Кругом немцы, не сегодня, так завтра они окажутся в их руках, так как не смогут оказать сопротивление. Они посмотрели на Петра. Перед ними был молодой парень в чистой одежде, хромовых сапогах и с небольшой котомкой за плечами. Могли ли они подумать, что перед ними человек уже видевший немцев и получивший от них «царапину», а также участвовавший в бою на реке Случь. Один из солдат спросил:

- А ты кто такой? Наверняка студентик. Ты что, уже видел немцев?

Петр, что мог, ответил о встречах с немцами, но сказал, что еще молод и в армии не служил, идет из города Львова, где учился.

- Вы все же будьте осторожней, - посоветовал Петр красноармейцам. - Лучше уничтожьте автомашины и уходите пока не поздно, иначе попадете в плен, а если окажите сопротивление, будете уничтожены.

Больше говорить было не о чем, и Петр, немного отдохнув, ушел по грунтовой дороге в сторону автотрассы в направлении населенного пункта, на южной стороне которого Васильевка. Вскоре автомашины, а точнее радиостанции, остались далеко позади. По левой стороне дороги росла озимая рожь, а за ней небольшая полоса земли, засеянная горохом. Подходя к этому полю, Петр замедлил шаг, торопиться было некуда. Время приближалось к полудню. Он хотел завернуть на зеленое гороховое поле, чтобы немного заглушить начавшийся голод, как навстречу ему из-за бугра показалась пыль и два черных открытых легковых автомобиля, на которых ехало 10 немецких солдат и вероятно, офицеров, вооруженных автоматами. Петр смело шел навстречу им размеренным шагом по пыльной дороге. Шедший вперед автомобиль остановился, поравнявшись с Петром. Второй остановился тоже. Сидящие в машине немцы смотрели на него. Никто из находившихся в автомобилях не поднялся. Один из сидящих на первой автомашине знаком пригласил юношу подойти к нему. Петр обратил внимание на разговор между сидящими. По разговору понял, что это чехи, если не все, то большинство из них.

- Russich soldat? - на ломаном немецком языке, спросил один из них, хотя сам не был уверен в заданном вопросе, так как перед ними стоял юноша, снявший с головы кепку.

Петр молчал, глядя в упор, несколько наклонив голову. Задавший вопрос приподнялся, посмотрел на его голову, как и остальные, и ничего не спрашивая, сказал:

- Пеш, пеш! - и показал рукой в сторону Васильевки.

Сказав это, махнул рукой, и автомобили поехали в ту сторону, где в двухстах метрах от дороги, в лощине находились наши автомашины и красноармейцы. Как больно было в груди оттого, что Петр ничего не мог предпринять для спасения красноармейцев-связистов, которые находились у радиостанций. Он понимал, что их заберут в плен, а если они окажут сопротивление, то уничтожат. Подумал и о том человеке, с которым не так давно встретился недалеко от этих передвижных радиостанций. Петр в каком-то оцепенении свернул в сторону горохового поля, сел и начал собирать, созревшие стручки с налившимися зернами зеленого гороха. Подкрепившись, он поднялся и пошел к населенному пункту на опушке леса, тянувшемуся одной улицей вдоль дороги. Далеко за ним слышался глухой шум проходящей немецкой техники. Там же, на небольшой высоте в сторону Житомира, пролетело несколько транспортных, а может быть и пассажирских самолетов.

Петр подумал о том, что русские солдаты, находившиеся у автомашин с рацией, уже захвачены, если не расстреляны. Он поднялся, ускорил шаг и вскоре подошел к поселку из нескольких хат, тянувшихся одной улицей вдоль грунтовой дороги. Его строения упирались в лес своими огородами. На трассе в противоположной стороне стоял глухой шум движущегося транспорта или техники. Было около полудня, пасмурно, облачность редела и поднималась выше. На улице безлюдно. Миновав крайние хаты, он решил войти в третью или четвертую дверь сени, которая была открыта. Постучав в дверь, Петр услышал:

- Войдите, дверь не заперта.

В хате у стола на широкой и длинной лавке, расположенной вдоль стены, сидела пожилая, лет пятидесяти, а может быть и старше, женщина. Она чем-то занималась. Увидев переступившего порог Петра, спросила кто он, откуда идет. Он ответил. Женщина пригласила его за стол и начала рассказывать о своей жизни.

Петр сказал, что идет издалека, и попросил дать что-нибудь поесть или попить молока, если есть. Женщина накормила и продолжила рассказ о своей жизни при немцах.

- Очень много наших людей прошло по дорогам войны, одни - на запад, другие - на восток. Кто они, куда шли?

Неизвестно. Чувствует душа, что это красноармейцы или командиры Красной армии, переодетые в гражданскую одежду. Многие были и в военной форме, но без знаков различия. Они просили заменить военную форму на гражданскую. То что имели люди оставили им. Вечера одному отдала старенькую фуфайку. Гимнастерку не взяла, поговорила срезать

петлицы, к тому же она тоже не из лучших. Так он и сделал. Немного отдохнул, поел, как и ты и попрощались, ушел. Он откуда-то из-за Киева.

Петр рассказал о себе очень коротко:

- С Орловщины. Иду из города Львова, где учился. После окончания учебного года задержался у товарища по учебе, а тут война. Вот и странствую, а уехать не смог.

- А что в сумке несешь?

- Купил белого полотна. Донесу ли - не знаю.

- А в армию, что не брали?

- Нет, - ответил Петр, - должны были осенью взять. А тут война.

- Да ты совсем еще молоденький, да и ростом небольшой. Учиться бы, да учиться, но что поделаешь, война. - сказала хозяйка дома.

За разговором время прошло быстро. Она посмотрела в окно и сказала:

- Посмотрите, немцы где-то захватили наших красноармейцев и гонят к трассе. Часа два тому назад в ту сторону проехали два легковых автомобиля с немцами. Всех подбирают на глухих дорогах. Наверное, еще много их находится в лесах и на глухих дорогах. Теперь погонят в Житомир, в лагерь. Что с ними будет? Говорят, - продолжала хозяйка, - там наших пленных тысячи. Есть там и генералы, и командиры Красной армии. А кое-кого отпускают домой.

- Откуда знаете? - спросил Петр.

- Как не знать. Ходили туда женщины, искали своих мужей, детей. Там, где были казармы, сейчас лагерь военнопленных. Уйма наших людей, тысячи их находятся за колючей проволокой. Немцы отпускали тех, кого женщины признавали как своих мужей, сыновей, братьев или родственников, - сказала хозяйка.

- Этих конвоируемых двумя немецкими солдатами красноармейцев я видел, - сказал Петр, доверившись открытому и честному рассказу хозяйки. - Утром подходил к ним разговаривал. Видел их в лошине, поросшей кустарником. Они были у двух автомашин, по всей вероятности радиостанций. Наверное, они откуда-то передвигались, заночевали. Как бы их не запеленговали. Предупреждал их, чтобы они уничтожили технику и уходили.

У Петра все тело покрылось мурашками от увиденного. Задержись он на какое-то время возле радиостанций, тоже попал бы с ними на этой пыльной дороге.

Это было 20 июля 1941 года. Спустя некоторое время Петр поблагодарил хозяйку за гостеприимство, за хлеб, за соль и направился в направлении автомобильной дороги Ново-Волынский – Житомир, по которой нескончаемым потоком в направлении Житомира шла немецкая техника и войска.

Хозяйка сказала:

- Трасса недалеко, с нашей южной стороны расположена Васильевка. Деревня тянется вдоль трассы больше километра. При входе на трассу пост полицейских. Будь осторожен.

Перед уходом хозяйка посоветовала не идти глухими, окольными дорогами, а выйти на трассу. На ней меньше обращают внимание на идущих в разных направлениях, на восток или запад, людей, да и предателей тоже там большой поток. Тех людей, которые попадают им на глухих или окольных дорогах, арестовывают.

ПОПУТЧИК ИВАН МИХАЙЛОВИЧ АСТАШКИН. ЖИТОМИР, ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОТНИ ЖЕНЩИН «ОСАЖДАВШИХ» ЕГО.

Расставшись с гостеприимной хозяйкой и помня ее совет, Петр через какое-то время подошел к трассе Ново-Волынский – Житомир, по которой двигалась вереница автомашин с солдатами и грузом. Оторопь взяла от увиденного. Вдоль дороги с южной стороны располагалась улица. Людей на этой стороне дороги было мало, но по противоположной стороне за кюветом шли гражданские люди разных возрастов и разного пола. Шли в одиночку и по двое на небольшом расстоянии друг от друга. Подойдя к трассе, Петр остановился, пропуская технику, чтобы улучшить момент для перехода на противоположную северную сторону.

Перейдя дорогу, Петр сел, чтобы вытащить из холщовой сумки кусок хлеба. К нему, перейдя дорогу, подошел вооруженный человек в гражданской форме с белой повязкой на рукаве с рисунком трезубца. Такой же трезубец был и на головном уборе. Мужчина средних лет, но не больше сорока. Он задал несколько вопросов и произвел обыск. Проверил карманы, посмотрел содержимое сумки, снял с головы кепку. В ней обнаружил, вырезанную из топографической карты полосу 12-15 сантиметров, на которой была изображена автомобильная дорога Львов – Ровно – Ново-Волынский – Житомир – Киев. Эта полоска была свернута в трубку диаметром 3-4 сантиметра, сплюснута и заложена под околыш. В нагрудном кармане рубашки увидел фотографию, обернутую в бумагу из ученической тетради. Взяв в руку фотокарточку, посмотрел на нее и спросил:

- Кто изображен на фотокарточке?

- Дедушка, - ответил Петр. – В 1937 году был арестован. Где находится, жив ли, не знаю.

Полицейский придрался к полоске карты.

- Вчера вот на этом месте полицейские расстреляли одного, - указал на лошину рядом с кюветом. - У него была военная карта и еще что-то.

Петр не понял, что было еще.

- Таких карт, - сказал Петр, - ворох лежит в лесу, возле которого проходил вчера. Там брошено большое количество артиллерийских снарядов с боеголовками. Это недалеко отсюда. А оторвал эту полоску, чтобы ориентироваться в пути. Порвите ее, а то и впрямь принесет беду.

Поверил ли он Петру или нет, но вернул полоску карты вместе с кепкой, одновременно попросил разрешение оторвать метра два бязи.

- Пожалуйста! - сказал Петр.

Полицейский оторвал столько ткани, сколько просил, потом, вернув полотно и фотографию, предупредил:

- Идите по трассе. Не сворачивайте на проселочные дороги, иначе вас схватят. Идите в одиночку, можно и вдвоем, но не вместе.

Отпустил. До Житомира оставалось недолго.

Еще одна счастливая звезда сопутствовала Петру в тяжелое лето 1941 года. Скорее всего, полицейский, встретивший Петра при его выходе на трассу, не совсем потерял совесть, не опустился до низости.

Первое, что бросилось Петру в глаза, это не только большое движение немецких войск, но и большое перемещение гражданских лиц, которых не видел до этого, когда пришлось идти по глухим дорогам. Одни шли в сторону Житомира, другие в обратную сторону, на запад. Шли мужчины и женщины, шли люди пожилого возраста и совсем молодые. Присмотревшись к этому людскому движению, было видно, что большинство из них, если не все, были одеты в гражданскую одежду. Шли так же и бывшие военнослужащие Красной армии, их настороженность, осанка, стремление держаться отдельно подтверждали это. Многие отрастили бороды, не брились, но не выглядели пожилыми, хотя было видно, что это маскировка. Шли и женщины, молодые и средних лет. Разговорившись с одной из них, узнал, что она уже несколько дней в пути и идет из-под Ровно на левобережную Украину. Хотя она и не призналась, но ее разговор, ее речь говорили о том, что она бывшая военнослужащая и идет на восток.

Как и ожидалось, туман к полудню рассеялся. Солнце давно перевалило за полдень. День стоял жаркий, солнечный. Хотелось пить, но воды не было. В квартиры не заходили, да и опасно было сворачивать с дороги. Женщина, с которой разговаривал Петр, отстала, и он продолжал идти один. Старался никого не обгонять и не отставать от впереди идущих. Хотелось иметь попутчицу, примерно одного возраста. Это облегчило бы их движение, но таковых не встретил. Или попутчика, чтобы что-то спросить, узнать, особенно о Красной армии. Следом за Петром, метрах в пятидесяти от него, шел мужчина в засаленной желтой фуражке и поношенных черных в полоску брюках. Шел он немного сгорбившись, не торопясь, иногда закладывая руки за спину. Впереди Петра на разных дистанциях шли, понуриив свои головы, такие же попутчики.

Петр среди других, таких же идущих в неизвестность людей, выделялся своей одеждой. На нем была белая рубашка и широкие байковые шаровары, заправленные по-украински в голенища хромовых, покрытых пылью, сапог, сжатых в гармошку. На голове кепка не новая, но еще не изношенная. За спиной котомка, в которой находились белая ткань и кусок хлеба. Подозрений на то, что он красноармеец, а тем более командир, не было. Выглядел юношей украинцем.

Проезжавшие на автомобилях немцы явно с любопытством смотрели на это передвижение людей, чувствуя себя победителями, иногда что-то выкрикивая и гогоча во все горло. Одному идти стало скучно, и Петр ускорил свой шаг, хотя было тяжело. День клонился к вечеру. Надо было торопиться, чтобы в положенное время до комендантского часа войти в город, а то и выйти из него. Надо было иметь и попутчика. Подождав идущего позади мужчину, Петр попытался завести с ним разговор. Но он отвечал неохотно, уклончиво. Сказал, что зовут его Иваном, что он из Тулы, идет уже несколько дней от самой границы, выглядел старше Петра на 2-3 года. По его словам, холост. Лицо чистое, розоватое, волосы русые. При себе ничего не имел. Чувствовалось, что он устал больше, да и был голоден. Сели отдохнуть на бревне, вальяжьемся у кювета. Поделились увиденным, рассказали о себе, как потом выяснилось, свои легенды. Настоящее свое лицо Петр не раскрыл перед ним, как и долгий путь следования и остановки в населенных пунктах Житомирщины. Туляк Иван Михайлович Асташкин был 1917 года рождения, старший техник-лейтенант, ружейный мастер. В боях почти не был. О своей части ничего не знает, хотя она попала в тяжелое положение, где-то под Ровно. Плен миновал, спрятавшись в каком-то строении. Потом сменил одежду и пошел на восток.

- Я с Орловщины, - сказал Петр. - Мы соседи по областям. Иду из Львова, где учился. В армии не был, но должны были призвать в этом году. Тяжелое время переживает наш народ. Сколько людей погибло, зданий разрушено, сожжено населенных пунктов. Не скоро закончится эта страшная бойня. Месяц, как идет война, а немцы так далеко вторглись в наши земли и продолжают наступление.

- Что станет с нами? - немного подумав, продолжил Петр. - Сегодня 20 июля. Мой день рождения. 20 лет исполнилось. А что видел? Что увижу, и что сейчас видим? Хочется есть. Надо куда-нибудь зайти и попросить хотя бы хлеба. Наверяд ли дадут, уж очень много нашего брата идет по дороге в обе стороны.

Петр достал кусочек хлеба, сало и оба немного поели, утолив голод. Отдохнув, пошли к Житомиру, до которого осталось совсем недалеко. Надо было идти, так как день подходил к концу. Было около 5 часов дня, а до комендантского часа надо дойти до города, о чем поведали встречные люди, шедшие из Житомира в направлении Новоград-Волынского. От них узнали, что придется идти возле лагеря военнопленных. Немцы устроили его в казармах Красной армии, которые были построены вдоль военного городка, слева от трассы Новоград-Волынский – Житомир, у реки Ирпень, через которую немцами был возведен мост.

- Вам лагерь не миновать, - сказала встречная женщина, а рядом с ней шел мужчина с исхудавшим заросшим лицом и короткими волосами на голове. - Вот моего мужа отпустили. Он был мобилизован в первые дни войны и попал в плен здесь же, в районе города. Они из тех, которые ищут своих родственников или близких.

На дорогах, подходивших к городу, немцы и полицейские кричали:

- Идите, не останавливайтесь!

На дороге напротив черных ворот стоял немецкий часовой. Его пост посреди трассы, он передвигается от кювета до кювета, контролирует движение. Его не обойти. У моста поста не было.

- Вас могут задержать, - сказала другая женщина, указывая на попутчика Петра. - Ваша одежда выдает вас. Вы переодетый военнослужащий Красной армии. Будьте осторожней, идите смелей, - сказала она. Затем добавила вслед. - На проселочные дороги не сворачивайте.

Возле лагеря около колючей проволоки толпилось много женщин, пришедших в надежде встретить и вызвать своих близких, родных или просто знакомых.

Женщина рассказала, что муж ее жив и находится здесь в лагере. Об этом ей сообщил односельчанин, спасшийся из плена и вернувшийся домой. Поблагодарив женщину за информацию и добрые слова, Петр с Иваном ушли в направлении к городу Житомир и к военному городку-лагерю, в котором томятся тысячи военнопленных.

ЖИТОМИР. ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ МИНОВАН.

Время близилось к вечеру. До комендантского часа было около двух часов. Надо было ускорить шаг, чтобы, своевременно пройти по мосту через реку Ирпень заодно миновав лагерь. Чем ближе подходили к городу, тем больше встречалось людей, идущих оттуда. Вот показались двухэтажные здания из красного кирпича - это здания бывшего военного городка, на окраине города. Они обнесены колючей проволокой высотой около 3-х метров в три ряда, через 1 метр друг от друга. По углам смотровые вышки, охраняемые автоматчиками. Такая же вышка у проходных ворот, возле которых много вооруженных немцев. За колючей проволокой стояло не менее десяти генералов Красной армии в военной форме. Их выделяли брюки с широкими лампасами. Там же, за колючей проволокой, было много военнотружущих в форме и без нее. Многие стояли с котелками в руках за пищей или за водой из бочек, стоявших на повозках, запряженных лошадьми. Заполняли котелки такие же люди, как и стоявшие с котелками. Очень много пленников было рядом с колючей проволокой внутри лагеря. Женщины, находившиеся за внешней стороной проволоки, бросали им куски хлеба, сырой картофель, другие овощи и фрукты. От проволоки их никто не отгонял. Были слышны голоса женщин, которые спрашивали, - нет ли среди военнопленных из того или иного населенного пункта Житомирщины.

- Гуд матка! - восклицали немцы, которые привели пленных. Они много хохотали.

Отпущенные на свободу пленные, выйдя за ворота, направлялись с женщинами в ту сторону, откуда пришли Петр и Иван - по трассе, ведущей на Новоград-Волынский.

За свой непродолжительный путь, Петр и Иван несколько сдружились и стали доверчивее относиться друг к другу, но не открывали чашу. Договорились, при подходе к территории лагеря, держаться метрах в десяти друг от друга и не разговаривать. На случай, если задержат, говорить, что не знают друг друга. В разговоре с немцем быть смелее, бояться не следует. Очень хорошо, что на плацу от колючей проволоки до кювета очень много женщин. В руках у многих были тыква, морковь, свекла, которые бросали через колючую проволоку. Пленные подхватывая, делились между собой. Немцы смеялись, глядя на них, но не мешали одним бросать, а другим подбирать.

Надо было быстрее пройти этот участок дороги. Удастся ли это сделать? Петр дал знак - ускорить шаг, чтобы воспользоваться большим скоплением людей и свободным их передвижением возле лагеря. На них не обратили никакого внимания. Не доходя метров 20-30 до часового, шагавшего по трассе, Петр смело подошел к нему, следом шел Иван.

- Guten abend, Pan! Bitte, erzehl, wiefil Uhr? Wifil Uhr bis den Kommandant Uhr? (Добрый вечер, пан! Пожалуйста, скажите, который час? Сколько до комендантского часа?)

Часовой, казалось, понял, что от него требуется, о чем спрашивают. В момент разговора подошел Иван. Немец вынул из поясного кармана часы, посмотрел на них и сказал, приподнимая указательный палец:

- Ein Stunde, Komendant Uhr. Schnell, schnell. (Один час до комендантского часа. Быстрее, быстрее!!!)

И показал обоим деревянный мост, перекинутый через реку. Поблагодарив, солдаты Петр и Иван ускорив шаг, направились к никем не охраняемому мосту, вероятно потому, что рядом был лагерь со своей охраной.

Еще одна счастливая звезда сопутствовала молодым людям. Тело и нервная система были напряжены до предела. Они быстро, но не торопясь и не оглядываясь, перешли по мосту на противоположный берег реки и вошли в город. Он был безлюден. Дома разрушены, оставшиеся целыми были без окон и дверей, с заколоченными стенами. Стоял запах гари после пожарищ. Было страшно идти. Приблизилось время комендантского часа. Надо что-то делать, а главное, искать ночлег. Хотелось есть. Поскорее бы уйти из города, но, как и куда, в какую сторону? Ближе к восточной окраине, к ближайшей трассе направлением на Киев? Вышедший из уцелевшего дома мужчина с лучковой пилой и ящиком инструментов, оказавшийся жителем города, рассказал какими улицами быстрее выйти из города к небольшому хутору Свитын.

- Этот хутор находится недалеко от города. Вы дойдете до него засветло, - сказал он. - В городе вам оставаться нельзя.

Через несколько минут Петр и его напарник вышли из города у восточной окраины и увидели несколько деревянных хат этого населенного пункта.

ХУТОР СВИТЫН. СЕМЬЯ УПЫРЯ.

Смеркалось, когда подходили к хутору по незавершенной грунтовой дороге, готовой к покрытию. Под нею было положено несколько водопропускных труб. По дороге никто не встретился. Устав, сели отдохнуть на выступе одной из таких труб, метрах в двухстах от хат. В кювете у трубы Петр увидел оставленную кем-то краюху ржаного хлеба. Она была покрыта пылью. Не раздумывая, решили съесть ее. Голод не тетка, ни с чем не считается. Хлеб был сухой и очень твердый. Разделив его на две половины и удалив пыль, съели с большим аппетитом. Немного отдохнув, они встали и направились к хате, возле которой у открытых дверей стояла женщина. Она видела отдыхающих. Подойдя к хате, поздоровались и попросили остаться у нее на ночь.

- Кто такие? Откуда и куда идете?

Они ответили.

- Одного пушу, - сказала она. - А другого надо куда-нибудь пристроить на отдых, у меня возможности нет.

Немного о чем-то подумала и сказала:

- Вон хата пятнистая через дорогу. В окне виден свет от лампы. Люди там добрые, да и хата просторная. Кто-либо из вас зайдите туда и попроситесь ночевать.

У женщины остался ночевать Иван Асташкин. Петр направился в указанную женщиной хату. Жилая хата с внешней стороны выглядела хорошо ухоженной. На окнах наличники со ставнями. С фасадной стороны три окна, стена оштукатурена, в штукатурку был вкрашен мелкий щебень из красного кирпича. Подходя к хате, Петр увидел за изгородью плодовые деревья, а перед изгородью скамейку. Дверь в сени были открыта. Было тихо. На улице никого. В хате горел свет. Остановившись на несколько секунд у двери, ведущей в хату, Петр в нерешительности постучал в дверь.

- Войдите, - послышался немного хрипловатый, тихий мужской голос.

Войдя в дом, Петр остановился у порога.

- Здравствуйте, - сказал он и замолчал.

- Здравствуйте, - ответил мужчина, хозяин дома.

Он сидел за столом у широкого окна на деревянной скамье, стоявшей у стены по всей ее длине 3-3,5 метра. Первое, что бросилось в глаза Петру, это покрытый белой скатертью стол, посередине которого стояло блюдо со свежими зрелыми помидорами, рядом бугылка хлебной водки, изготовленной на ржи. В углу висела небольшая икона с изображением какого-то святого лика. На окне горела керосиновая лампа. Комната разделялась перегородкой на две части. Слева была неширокая дверь, занавешенная белым полотном. Частью этой перегородки, как бы ее продолжением, была задняя стенка украинской печи, а может быть и русской. Эта печь с плитой обогревала жилые комнаты.

Хозяин дома сгорбившись сидел возле стола. Обе руки упирались локтями в колени. Он был, как показалось, ниже среднего роста, о чем-то думал.

Произошла короткая заминка в разговоре. Петр не знал с чего начать, поэтому молчал. Молчал и хозяин.

- Я слушаю вас, что скажете? - задавая вопрос хозяин, не выпрямляясь, повернул голову влево, в сторону неожиданного гостя.

Осмотрел его с ног до головы, не оставив без внимания волосы юноши.

- Не похоже, что это красноармеец. Молод, чисто одет. Сапоги хромовые, не поношенные, - подумал хозяин и повернул голову в начальное положение.

Он о чем-то задумался. Петр стоял на пороге, и молча ждал очередного вопроса. Было ясно, что хозяин не выпроводит гостя, не откажет и в ночлеге. Время ожидания всегда томительно. Но это ожидание очередного вопроса или еще чего-то, было чересчур томительным. Петр был готов уйти из этого дома, но что-то мешало и тяготило его. Хозяин приподнял голову, спросил:

- А кто вы такой?

В этот момент из двери, ведущей в кухню, вышла женщина средних лет. Она была одета в чистую белую кофту и черную юбку без фартука. Была она очень стройной и красивой. Подойдя к задней стене печи, занесла руки за спину, терпясь о нее, задумчиво начала смотреть на молодого человека, стоявшего у порога входной двери.

- Командир Красной армии, - немного смутившись, ответил Петр.

Ответ был неожиданным и не совсем понятным для хозяина. Он выпрямился, оперся спиной о подоконник, положил правую руку на край стола, стал перебирать пальцами, словно играя на пианино. В это время открылась одна из половинок двустворчатой двери, соединявшей прихожую с залом. Оттуда вышла стройная рослая девушка со светлыми волосами в нарядном платье. Она стала рядом с матерью. Они обе внимательно смотрели на Петра, для которого эти минуты были очень тягостными. Они молчали. Их нарядная одежда, помидоры на столе и водка говорили о том, что семья к чему-то готовилась, кого-то ждала... а тут неожиданный гость.

Молчание было прервано. Хозяин принял первоначальную позу, повернув голову в сторону Петра, и сказал, не то с упреком, не то просто так:

- Какой вы командир Красной армии. Командиры воюют, а вы здесь шатаетесь и не знаете где она, Красная армия! А может быть, ее уже и нет, как говорят немцы, - сказал хозяин. - Ну нет, враки это. Рассчитаны на слабонервных. Армия сражается. Киев еще защищается. Раненых много везут оттуда. Почему на вас такая одежда? На ногах новые хромовые сапоги? Такие действительно носят командиры. Расскажите о себе, расскажите, что можете. Чего нельзя не говорить. Разные люди ходят сейчас, разные байки бают.

Этот вопрос и разговор хозяина, как кипятком облили лицо Петра. Оно покрылось краской. Помолчав несколько секунд, потом ответил, что в хутор пришел не один, с ним напарник, шли вместе от Васильевки, что за Житомиром. Он остался ночевать у тетки, дом которой за дорогой.

В дом вбежал мальчик и сказал:

- А дядю в фуфайке, который шел с вами, тетя уже кормит.

Все посмотрели на мальчика, потом на Петра. Петр рассказал о себе. Да и говорить-то было особо нечего. Жизнь его только начиналась.

- Верим тебе, твоему рассказу. - сказал хозяин. - Не ты первый, не ты и последний. Сколько прошло людей в разные стороны, но больше на восток. Беда нависла над нашими народами. Непонятно только, как могло случиться, что мы оказались неподготовленными к войне? Неужели не знали, не видели, что Гитлер готовится к ней против нас? - на этом разговор был прерван и переведен на другую тему.

- Ладно, оставайтесь у нас, - сказал хозяин, - места не пролежите. Да и куда идти, уже поздно. У нас сегодня праздничное настроение, это видите сами. Дочь наша Нина, именинница. Вот она рядом с мамой. Не в такой обстановке думали отметить ее двадцатилетие. Как видишь, мы кое-что приготовили. Готовились к этому дню. Проходите Петро, вместе с нашей семьей отметите день рождения нашей старшей дочери, - сказал хозяин. Он назвал свое имя, отчество и фамилию - Упырь Иван Иванович.

Петру от этих слов стало как-то легко и радостно на душе, тяжесть свалилась с плеч, от усталости он еле стоял. 20 июля и его день рождения, о чем он сказал вслух присутствовавшим в комнате.

- Вот и хорошо! - сказал хозяин. - Отметим и твой день рождения. Если останешься в живых, он будет памятным для тебя.

За столом оказалось более 10 человек взрослых и детей. Все они относились к одной семье. Пришла с улицы от родственников еще одна дочь Катя. Она была моложе Нины. Прибежали ребята со своими новостями и уселись за стол.

Родители поздравили Нину с днем рождения, пожелали ей добра в жизни, перенести лихолетье, быть здоровой на долгие годы. Все выпили по рюмке самогонки. Петр тоже выпил и охмелел. Старался хорошо поесть, не перегружая желудок. Поблагодарив гостеприимных хозяев за ужин, извинился и попросил разрешения покинуть застолье, чтобы уйти на отдых, и вышел на улицу освежиться.

Стояла тихая ночь. Не слышно движения транспорта. Хутор находился вдалеке от дорог. Только на горизонте, то в одном, то в другом месте появлялось зарево пожаров. Подышав полной грудью свежим воздухом, пошел спать в небольшую комнату. Немного охмелев, быстро уснул. Этому способствовала усталость после дороги и увиденный в городе Житомир лагерь военнопленных, в котором находились тысячи людей. Спал крепким сном четыре часа. Когда проснулся, в комнате было темно, однако, сквозь щели ставней пробивались узкими полосками лучи света. Он посмотрел на часы. Было начало пятого. Вспомнился вчерашний день, и страшный, и счастливый. Вспомнилась встреча с красноармейцами-радистами, с немцами, взявшими в плен этих красноармейцев. Задержись около них на 30-40 минут, и он бы шагнул вместе с ними под конвоем немецких солдат. Вспомнилось напутствие женщины, чтобы не ходил проселочными и глухими дорогами, а шел трактом. А потом встреча с попутчиком Иваном Асташкиным, старшим техником-лейтенантом потомственным туляком-оружейником. Отрадно то, что он смог отметить свой день рождения в гостеприимной семье Упыря.

Проснувшись, он слышал тихий разговор мужчины с женщиной. О чем говорили, было не ясно. Он поднялся, оделся, убрал постель и хотел выйти на улицу. В это время приоткрылась дверь, и показался хозяин, глава семьи. Он был низкого роста, среднего телосложения, худощав, с русыми коротко стриженными волосами на голове. Улыбнувшись, поздоровался и спросил:

- Как провели ночь?

- Спасибо, хорошо, - сказал Петр. - Большое вам спасибо за ночевку, гостеприимство. Ухожу.

- Приходила женщина, у которой находится ваш попутчик. Я просил ее, - сказал хозяин, - чтобы никому не говорила о вас. Надо узнать обстановку, что делается вокруг нашего хутора. А теперь идите завтракать. Потом видно будет, что делать, что предпринять.

Наступил следующий день, 21 июля. Прошел месяц, как началась жесточайшая из всех войн - Великая Отечественная война. В хуторе Свитын не было ни немцев, ни холуев полицейских. Еще на одни сутки остались у этих гостеприимных людей Петр и Иван Асташкин. Целый день не выходили на улицу, не показывались другим людям. Через день они оставили гостеприимный хутор Свитын, что рядом с Житомиром.

У Петра было около 10 метров бязи. Он ее оставил семье Упыря, как подарок за гостеприимство. Оставил и свой адрес. Просил сообщить о себе, когда будет возможно, когда прогонят немцев с нашей родной земли.

ГУМЕННИКИ.

Оставив гостеприимных гостей, Петр и Иван держали путь на Гуменники, кажется, Коростышевского района. Были они не одни, а с попутчиками. Ими были две девушки, одна из которых дочь Упыря - Катя, другая ее подруга. Они шли к своим родственникам в Гуменники или в другой какой-то населенный пункт. До Гуменников дошли без происшествий. Населенный пункт был расположен на равнине. При въезде - зеркальное рукотворное озеро. С одной его стороны подступал хвойный лес. В Гуменниках они задержались на несколько дней. Жили у крестьян. Помогали работать в поле на уборке зерновых и трав, кажется, клевера. Жили в комнате до того дня, пока не появились немцы. Известие об их появлении быстро распространилось по селу, так как они начали ходить по хатам, собирая яйца, муку, сало. Проверяли также, нет ли русских солдат. Петр и Иван утром, в день прихода немцев, были спрятаны на чердаке, где складывали на зимнее хранение сухое, свежее, наполненное ароматом сено. Дальнейшее пребывание в Гуменниках было небезопасным, это грозило и хозяйке, и жильцам. Надо было незаметно уйти из села. Но куда идти, каким путем? Надо было положиться на советы хозяйки и местных жителей. К этому времени еще все «твари» повывлезали из нор. Многие из них чего-то боялись, что-то выжидали, хотя уже давали знать о себе. Около 8 часов утра через деревню прогнали колону военнопленных красноармейцев в форме и без нее.

Наступил август 1941 года. Враг все дальше проходил вглубь нашей страны. Однако план молниеносной победы над русским народом стал давать осечку. Красная армия все упорнее вела оборонительные бои, переходя на отдельных направлениях в контрнаступление.

Смоленские сражения ознаменовали собой начало новой стадии войны. Борьба с этого периода приняла совершенно иной характер. Удалось остановить молниеносное наступление немцев, хотя бы только на два месяца. 16 июля немецкие передовые части фон Бока наткнулись на небывало сильное сопротивление.

Первые награждения за боевые действия после Смоленского сражения способствовали поднятию боевого духа. Оно явилось одним из поворотных пунктов войны и заставило Гитлера изменить свои планы.

О Смоленском сражении стало известно и на оккупированной немцами территории. Эту весть донесли те, кто участвовал в нем и был вынужден по воле рока остаться на занятой территории - раненые, бежавшие из плена и другие.

ЗАБЕЛОЧЬЕ

Ранним августовским утром Петр и Иван с котомками за плечами ушли из Гуменников, держа путь в сторону села Забелочье Радомышльского района Житомирской области. При выходе из Гуменников они видели, как по дороге у опушки леса двигалась колонна артиллеристов на конной тяге. Пришлось некоторое время переждать, пока колонна не удалилась за поворот. Шли медленно, с опаской озираясь по сторонам. В лесу ни души. Тихо. Около полудня подошли к дороге покрытой асфальтом. Дорога шла от Коростышева на Радомышль. Изредка по ней проезжали немцы то в одну, то в другую сторону. Ехали смело, без опаски, чувствовали себя, как дома. Это подсказывало о том, что здесь немцы чувствуют себя спокойно. На противоположной стороне дороги стояли остатки разрушенного деревянного дома или еще какого-то строения. Рядом обнесенный изгородью участок земли с колодезем. Людей не было видно. Улучив момент, путники перебежали дорогу и скрылись в лесу. Немного отдохнув и подкрепившись хлебом и ягодами, они обдумывали свой дальнейший путь, не отрываясь далеко от трассы Житомир - Киев. Было решено идти на Забелочье. Оно расположено недалеко от трассы Коростышев – Радомышль, и несколько дальше от трассы Житомир – Киев. Утренний туман давно рассеялся. На голубом небе ярко светило солнце. Вскоре на лесной просеке, по которой шли молодые люди, появился просвет, который говорил о том, что лес заканчивался. Перед глазами расстилалось поле, засеянное овсом, на котором работали люди. Они косили вручную. Многие косари сидели небольшими группами и обедали. Женщин не было видно. За полем был луг, поросший травой, за лугом - большое село с церковью в центре. Как потом стало известно, в селе было более тысячи хозяйств. Путники подошли к косарям, поздоровались и попросили воды. Косари предложили пообедать с ними. За обедом разговорились. Узнали от них, что в селе есть староста и несколько полицейских, которые пока что не проявляют особого рвения к службе немцам. Что касается немцев, то они были в селе, но быстро ушли в направлении Киева, где идут бои. Мужчины поведали и о том, что в центре села на площади, в здании сельсовета находятся несколько раненых красноармейцев и командиров. Их посещают женщины села, приносят продукты, делают перевязки. Заходили к ним и немцы, но ничего раненым не сделали. Правда или ложь была в рассказе косарей о гуманности немцев к раненым красноармейцам? Хотелось встретиться с ними, поговорить. Хотелось узнать об их участии в боях, где начали войну, услышать об армии. Среди работавших сельчан были люди средних лет. Это говорило о том, что они не так давно сняли армейскую форму Красной армии.

Петр и Иван были приняты рабочими, как советские летчики со сбитых над лесом самолетов. Об этом прошел слух по селу и дошел до их ушей. Дело в том, что они на долгие недели остались на жительство в Забелочьи. Причиной этого слуха явилась неосторожность Петра при разговоре с косарями. Он вытащил из-под околыша фуражки полосу топографической карты-пятикилометровки и начал ее читать, расспрашивая о населенных пунктах, расположенных недалеко от автомобильной дороги Житомир - Киев. Да они и не предполагали, что на длительное время задержаться в этом селе.

Поблагодарив за угощение косарей, они направились в село, на его окраину, примыкавшую к селу. Хотелось есть. Юноши решили попросить хлеба у первой встретившейся женщины в селе. После расспроса о том, кто они, откуда идут, женщина пригласила их в хату и накормила. Хата у нее приземистая, покрытая камышом пятистенка. В первой прихожей комнате русская печь, во второй – грубка (малороссийская печь). Хозяйке дома было около 45 лет. Жила с дочерью, которой перевалило за 25 лет. Она была не замужем. Были и другие дети, они жили отдельно. Фамилия ее Люшенко, Ганна Яковлевна. Жила скромно. В комнатах простая крестьянская обстановка. Пол глинобитный, покрашен охрой желтого цвета. Такого же цвета панели в обеих комнатах. В зале стояло две деревянные койки, хорошо убранные, покрытые домоткаными коврами. В углу и на стенах у окон висели иконы, покрытые красиво вышитыми украинскими рушниками. Тетя Ганна повторила, услышанный от косарей рассказ о раненых красноармейцах, а может быть, и командирах. Их было шесть человек. Она ходила к ним, носила им пищу. Немцы, пока находились в селе, ничего плохого русским раненым солдатам не сделали. Узнали, что колхоз не распущен. Работы ведутся совместно, однако людям выделили для уборки урожая отдельные участки земли. В село вернулось много мужчин, которые были призваны в армию. Некоторые вернулись с оружием и не скрывают, что дезертировали. За разговором не заметили, как наступил вечер. Идти дальше было невозможно. Хозяйка дома оставила их у себя на ночь.

- Утро вечера мудренее, - сказала она. - Оставайтесь ночевать у нас. Завтра решите, как быть. Может, в примаки пойдете. «Молодарок» в селе много, да и вы хлопцы неплохие.

- Спасибо за то, что накормила нас, и за приглашение переночевать, - ответили спутники.

- Может, и приживетесь у нас в селе. Немцы всех идущих к фронту забирают и направляют в лагеря, но больше выслушиваются полицаи. Лучше немного пожить в селе. Может, скоро наша армия вернется. Не может быть, чтоб она была разбита, хотя говорят, Москву уже взяли.

- Ждать, пока Красная армия погонит немцев, это не то, - сказал Иван. - Нам надо идти к фронту, хотя мы и не знаем, где он.

- Вы подумайте, - сказала тетя Ганна. - Умереть еще успеете. В селе мало мужчин, молодых ребят. Одних призвали в армию, других забрали немцы. Селянам требуется помощники в хозяйстве. Люди об этом гуторят. Всех забрали, а убирать урожай надо.

За добрым разговором незаметно пришел вечер. Прежде чем уснуть, долго еще вели разговор с гостеприимной хозяйкой. Приходили соседи поделиться новостями с тетей Ганной, заодно посмотреть на летчиков, сбитых над лесом, недалеко от села. Пришлось оправдываться и доказывать, что они не только не летчики, но и не служили в армии. Петр рассказал, что он студент, учился во Львове, где застала его война, откуда и идет больше месяца. В последующие дни у девчат так и сохранилось прозвище за Петром «студент».

На следующий день была сделана попытка пойти в направлении Кочерова, но облавы заставили вернуться в село, где нашли приют, и жить до ноября месяца. Жили у многих людей, помогали в подсобном хозяйстве, ходили вместе на общественные работы, колхозные поля. Убирали в скирды рожь, участвовали в обмолоте зерновых культур, уложенных в скирды. Работали сообща. Обмолотое зерно свозили в амбары, а оттуда отправляли в Германию. Больно

было от того грабежа, который совершался захватчиками в открытую, и что этому в той или иной мере помогали советские люди, оказавшиеся в немецкой оккупации. Отказаться работать было нельзя. Изо дня в день недовольство народа росло. Работали подолгу с утра до вечера.

Вечерами молодежь устраивала вечеринки, на которых большинство составляли девушки и несовершеннолетние парни. Собирались в больших хатах села. Но в районе, где жил Петр и Иван, вечеринки проходили у Стрелецкого Стасика или Люшенко Ганны, живших по соседству.

Парней было мало. Среди них были и постарше, которых призывали в армию, но по тем или иным причинам оказавшихся дома. Приходили на вечеринки «молодарки», проводившие в армию или на войну своих муженьков, по которым не очень-то скучали.

- Замуж вышли рано, как будто кто-то толкал нас к этому, - говорили они.

- Не собирались, судьба заставила, - говорили другие. - Боялись засидеться в невестах.

Но таких было мало. Большинство из «молодарок» были честными, уважающими себя, готовыми дать достаточную отповедь тем, кто пытался нанести непоправимое оскорбление девического достоинства и гордости. Они с презрением относились к тем, кто продавал свое тело и душу горделивым и заносчивым ребятам.

Большую часть прожитых дней в селе Забелочье, Петр провел в семье Стрелецких, Стасика и его сестры Надежды, у которых была сложная и очень трудная жизнь.

СЕМЬЯ СТРЕЛЕЦКИХ

Надежда Мартьяновна и ее брат Станислав жили вдвоем. Своих родителей потеряли в голодные тридцатые годы. Стасик родился в 1922 году, а Надежда была на три года старше его. Жили в бедности, выживали в этом мире благодаря помощи своих родственников. Надя рано вышла замуж, родила ребенка, который вскоре умер. С мужем рассталась перед началом войны и не жалела об этом. Она была ростом маленькая, смуглая, глаза сверкающие, притягивающие к приятному разговору. Боевая и общительная в компании. Работала до войны в колхозе и на торфозаготовках, которые были рядом. Немцев ненавидела, о чем говорила в открытую.

Стасик был смугл, худощав, малоразговорчив. Свое детство вспоминать не любил, уж очень тяжелое оно было. Душой был очень добрый. Жили они в небольшой хатенке с сениями. В единственной комнате стояли две кровати, одна деревянная, другая металлическая. Надя то спала на деревянной койке, то забиралась на русскую печь, хотя стояла хорошая погода. - С детства люблю русскую печь. - говорила она.

Петр спал со Стасиком на металлической койке. Он был у них, как родной брат - вместе ходил на работу, ездил в лес по дрова. Петр всячески пытался сделать им что-то доброе, приятное. Хорошие отношения сложились у Петра с жившими поблизости девушками. Его хорошими подругами стали Мария Семеновна Лавренчук и Киля Ткаченко, жившие недалеко от Стасика и Нади. Они были постоянными участницами вечеринки, которые походили в субботние и воскресные вечера. С ними можно было говорить подолгу, не уставая от разговора. Все они вспоминали школу, проводимые в ней до немецкой оккупации вечеринки. Немцев ненавидели. Подружился Петр и с ребятами своего возраста. Все они держались гордо, Родину свою любили и готовы были сражаться за нее... Но не нашлись в те дни люди, которые могли бы начать эту борьбу. Попытка установить связь с коммунистами ничего не дала. Были ли они в селе или нет, не знали, а молодежь, особенно девушки, вообще не знали, кто в селе был коммунистом. Казалось, что спокойствие среди жителей связано с тем, что немцы не показали себя такими, какими они были в действительности.

В сентябре и октябре Петр и Иван дважды пытались уйти на восток к фронту, но каждый раз возвращались обратно. Почему именно в Забелочье? Дело в том, что они имели на руках удостоверение, выданное Радомышльской комендатурой, как жителям села Забелочье, имеющим право жить в селе и передвигаться по уезду.

Вот примерное содержание удостоверения:

Удостоверение

Выдано Ф.И.О в том, что он является жителем села Забелочье, Радомышльского уезда и ему разрешается свободно передвигаться по территории уезда.

Oberkommandant _____
(подпись)

Удостоверение заверено немецкой печатью со свастикой.

Бланки удостоверений были заготовлены комендатурой заранее. Жители сел оповещались старостами о дне явки в районную комендатуру для получения этих удостоверений. Текст был отпечатан латинским шрифтом, а фамилия, имя, отчество и год рождения на понятном для читающего немецком языке.

Получить такие удостоверения Петр и Иван смогли при помощи жителей села, в основном молодежи, с которыми были хорошие отношения. Они и пригласили их пойти с ними, пройти регистрацию и получить удостоверения. Следует отметить, что эти удостоверения имели какую-то магическую силу в защите прав его владельца. Немец ли, полицейский или староста, прочитавший его, не только не препятствовали его владельцу пройти в тот или иной населенный пункт (особенно в тот, который указан в справке), но и говорили, как туда пройти.

Возвращались еще потому, что в селе не конфликтовали с жителями, особенно молодежью. Петр по-прежнему находил приют то в семье Стрелецких, то у гостеприимной тети Ганны Люшенко. На работу шли к тем, кто просил оказать ту или иную помощь в уборке урожая. Выполняли то, что просили сделать. Жизнь в Забелочье, знакомство с молодежью, давала полное представление об отношении населения к оккупантам: скрытность пожилых и откровенность

молодежи, готовых к сопротивлению оккупантам. Нужны были организаторы. В целом в селе было спокойно. Наезжали иногда немцы, чтобы заготовить продукты, овощи и отравить заготовки в Житомир или Радомышль.

Действий полиции по защите нового порядка не проявлялось. Очень часто приезжал в село представитель уездной власти, военнотружачий немецкой армии, австриец по национальности. Он проявлял гуманность и не вызывал у жителей ненависти. Жил в селе присланный из города обрусевший немец из Поволжья по имени Володя. Он часто присутствовал на вечеринках, иногда сам участвовал в тех или иных играх. Никаких отрицательных действий после его присутствия не было, во всяком случае, в то время (август - октябрь 1941 г.), когда жили в селе Петр и Иван.

Живший в селе австриец, в возрасте около 40 лет, днем постоянно появлялся то в одном, то в другом месте села. Он вел наблюдение за гражданами, старался заводить беседы. Характерно то, что ненависти своей к Советам не показывал и не высказывал. Хотя интересовался тем, как население жило при Советах, есть ли коммунисты. Жители были довольны отношением австрийца к гражданам села, но вскоре он перестал появляться.

Приближалась глубокая осень, наступали холода. Петр был вынужден обменять часы ЗИМ, купленные в ГУМе города Москвы, на зимнее, совершенно новое пальто. Оно было вовремя приобретено, так как вскоре, после взятия немцами Киева, гражданам села Забелочье было разрешено, как и другим сельским жителям, привозить в Киев сельскохозяйственные продукты для продажи и других торговых операций. В селе Забелочье сформировали обоз. Везли зерно, муку, печеный хлеб, картофель и птицу. Петр и Иван решили использовать это в своих целях, уйти из Забелочья, добраться до Киева, а оттуда через Днепр и на восток. У них были необходимые документы.

В первых числах ноября 1941 года обоз числом более 15 пароконных повозок, груженных сельскохозяйственными продуктами, направился в Киев. С обозом, с согласия хозяев обоза и старшего из них, поехали Петр и Иван. Предстоял путь не менее 80 километров. Петр за время нахождения в селе Забелочье приобрел для себя много друзей среди пожилых и молодых людей. Он всегда старался оказать помощь в сельхозработах тем, кто нуждался в этом, особенно престарелым. И когда он уезжал из Забелочья вместе с его жителями, женщины обеспечили их продуктами питания в далекую дорогу. Он получил три ковриги хлеба (большие круглые буханки весом до 5 килограмм и более, испеченные в русских печах на капустных листьях). Кто-то положил в котомку сало и туши двух жирных гусей.

ОТЪЕЗД ИЗ ЗАБЕЛОЧЬЯ

На окраине села у дороги, ведущей на Кочеров, находился приемный пункт по переработке молока на сливки. Работала в нем Маша Лавренчук (Мария Семеновна), с которой Петр дружил. Она была моложе его на год, очень веселая, жизнерадостная девушка. Родители у нее престарелые, и Мария была им основной помощницей. С ней бывали открытые, дружеские разговоры. Можно было говорить обо всем, не боясь того, что она может предать. Петр не мог уехать, не простившись с ней. Они были очень дружны. Она угостила его кружкой сливок, заплакала, пожелала доброго пути. Просила, если он останется в живых, написать письмо, как только прогонят немцев.

- Не забывайте Забелочье и тех, кто помогал вам, - сказала она.

Жаль было расставаться с такими добрыми людьми, кто очень много сделал оказавшимся в трудном положении. Они распрощались. Петр догнал обоз и сел на повозку дяди Аркадия, родственника Стрелецкого Стасика. У него Петр прожил около двух недель, помогая ему в хозяйстве.

День и ночь обоз был в пути. Никто ему не препятствовал в движении. В пути делали остановки. Давали время на отдых лошадям, кормили их. Поездки на Киевский рынок были и в довоенные годы. В Киев прибыли 5 ноября в 8 часов утра перед праздником 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Обоз был оставлен при въезде в город. Немцы проверяли содержимое повозок. Петр и Иван по просьбе хозяев подвод и дяди Аркадия, забрав свои котомки с продуктами, оставили обоз. Направились по адресу, указанному Аркадием, у него там жил кто-то из родственников.

Путь до дома был недлинный, но опасный, шли в одиночку на небольшом расстоянии друг от друга, а иногда и более. На всех улицах и перекрестках находились немцы. Но бояться пришлось патруля и людей в гражданском с белой повязкой на рукаве. Покинув повозку Аркадия, Петр пошел в направлении разрушенного моста-эстакады из железобетона. Там его остановил немецкий солдат, потребовал документы. Петр показал ему удостоверение, прочитав его, немец потребовал показать содержимое вещмешка, а посмотрев, забрал одного гуся и ковригу черного хлеба. Затем ласково улыбнулся и сказал:

- Gut! Пеш, пеш, - и указал, как пройти на противоположную сторону, минуя разрушенный мост.

Улицу 8-го марта и дом нашел быстро. Дом был расположен на пригорке во дворе, обнесенном изгородью. Дверь открыла женщина, хозяйка дома. Встретила и приняла нас с некоторой осторожностью. Однако, после разговора пригласила в дом.

В ОККУПИРОВАННОМ, НО НЕ ПОКОРЕННОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ

Оставив вещмешок у хозяйки дома, Петр, не дожидаясь Ивана, решил идти на Подол, на улицу Хорева, дом 12. Там до начала войны жила в работницах или прислугах девушка, с которой он познакомился по пути следования к месту службы, числа 17-18 июня 1941 года.

Ни Аркадия с подводой, ни Ивана в доме по улице 8-е марта еще не было. Что с ними произошло было неизвестно. Хозяйка начала волноваться.

- Не случилось ли чего? - сказала она.

Немного подождав, Петр направился на улицу Хорева, пообещав вернуться к 4-5 часам дня, если ничего не случится.

ПОДОЛ. ЧЕРВОНА ПЛОЩАДЬ

Идти по улице Хорева пришлось недолго, часть пути проехал на трамвае. Улицы были почти пустынные. Спрашивать, где она находится, не пришлось, так как Петр дважды был на ней за неделю до начала войны. Здания стояли нетронутыми войной. Петр поднялся на третий этаж, в 1-й подъезд дома №12, и нажал на звонок. Через некоторое время открылась дверь и на пороге появилась Полина Кравчук. Она была в халате и, кажется, отдыхала. Волосы были не причесаны, лицо какое-то помятое. В коридоре был сумрак, она внимательно всматривалась в лицо «незнакомца» и чего-то ждала.

- Полина!

- Да, я. А вы кто? Что-то не узнаю.

Да она и не могла узнать человека, стоящего перед ней в теплом пальто и в шапке-ушанке. Полина знала этого человека, но тогда он был в военной форме, со знаками отличия - двумя «кубарями» на петлицах. Да она и не могла подумать, что перед ней юноша, с которым она встречалась только дважды.

- Не узнаете? - спросил Петр Морозов. - Я с тобой познакомился в июне, перед войной.

На лице Полины появилась улыбка и какое-то замешательство.

- Ты жив? Откуда?

В квартире, расположенной напротив, послышался шорох и шаги.

- Проходи в квартиру, быстрее! Тут любопытные.

Квартира была просторной и пустой. Кроме Полины не было никого. Петр сказал, что пришел ненадолго, что он только сегодня появился в Киеве и решил прийти сюда, чтобы узнать о Полине. Также Петр сказал, что не один, а есть еще товарищ, с которым были вместе на Житомирщине и с которым прибыл в Киев.

- Не один раз приходили немцы, проверяли жильцов в доме. Не прячутся ли мужчины, бывшие военнотруженики. Рассматривали фото, которые лежали на небольшом столике в углу комнаты под стеклом. Предупреждали, чтобы посторонних не было, если появятся, то нужно сообщить в комендатуру, - сказала Полина.

Она попросила Петра рассказать о себе: как доехал до Шепетовки, где начал воевать, как оказался в Киеве, и так далее, и тому подобное. Вопросов было много. Он кратко рассказал о себе, а Полина - о трудностях жизни в городе, об отсутствии продуктов, о том, что собираются уйти в деревню. Что-то сказала о работе - или устраивалась, или думает устроиться. Сообщила, что живет не одна, а с подругой Машей, с которой Петр был уже знаком. Полина сказала, что она скоро придет.

Пробыв у Полины больше часа, он ушел на улицу 8-е марта, сказав, что надо забрать котомку, в которой имеется кое-что из продуктов, и пообещал скоро возвратиться со своим спутником.

Придя на улицу 8-е марта, Петр увидел Аркадия и его лошадей внутри ограды у дома. Ивана не было. Поблагодарив дядю Аркадия за то, что довез до Киева, за помощь, которую оказывал в Забелочье, распрощавшись с ним и хозяйкой дома, Петр оставил адрес на улице Хорева. Поблагодарив еще раз дядю Аркадия и хозяйку дома, ушел навсегда, надеясь, что Иван Алексашкин придет на улицу Хорева.

На квартире по улице Хорева его ждали две подруги - Полина и Маша. Обе девушки были из села Голубовка Житомирской области. Петр возвратился к ним перед наступлением сумерек. Принес продукты - хлеб, кусок сала. Девушки обрадовались его возвращению и тому, что принес продукты. Разговоров было много. Вспомнили встречу, знакомство. С тех пор прошло уже 4 месяца, но как все изменилось, перевернулось, сколько людей погибло и осталось без крова, а сколько угнано в плен.

Было много разговоров о первых днях войны, о встрече с врагом, о жизни киевлян в оккупированном городе. Ведь с начала войны прошло почти 5 месяцев.

Девушки рассказывали о взрывах, происходивших в городе почти каждую ночь, об арестах. Такой взрыв произошел и в ночь с 6 на 7 ноября вдалеке от Подола. Петр, несмотря на опасность, решил проехать по городу, посетить магазины. Одет он был чисто и подозрений не мог вызвать, к тому же надеялся на удостоверение, которое не один раз побывало в руках немцев и их холоуев.

КИЕВ, 24-я ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

7 ноября. Утро пасмурное. На улице мало людей. Магазины работали, есть промышленные товары, продуктов нет. Многие немцы заходили в магазины на пару с женщинами. Может быть, они были местными проститутками или прибыли из Германии, было в них что-то неопределенное и противоестественное. У многих прохожих на лицах было хорошее настроение, кажется, каждый думал и держал в душе память об этом дне, что-то вспоминал.

Во второй половине дня Петр решил зайти на улицу 8-е марта, узнать об Аркадии и Иване. Хозяйка дома сказала, что они, обменяв продукты, только что уехали в Забелочье. Туда же возвратится и Иван, на улицу Хорева идти не решился, чего-то боясь. Может быть, ему помешало то, что он был плохо одет, - старая замасленная, цвета хаки фуражка, а может еще что-то. Но он решил вернуться назад в Забелочье.

В 1970 году, во время поездки в Забелочье в гости к Стрелецкому Стасику, Петр услышал следующее:

- Участники обоза возвратились из поездки без происшествий. Привезли нужные товары, одежду, обувь и другие необходимые вещи. Алексашкин Иван был с ними. Он сразу же ушел к Надежде, жившей недалеко, и жил у нее до ареста полицией. Однажды были похищены овцы из «общественного стада». Причастен к этому был и Иван. Его арестовали и с найденной тушей овцы водили по селу, а потом отправили в город Радомышль где, вероятно, он был казнен. О судьбе его ничего неизвестно, а его

сожительница в год приезда Петра, находилась в Киеве. Ему удалось с нею встретиться и поговорить по дороге в родные места на Орловщину.

9 ноября 1941 год. Наступило время расставания с гостеприимными девушками города Киева. Три дня Петр жил у них. Смог хорошо помыться в ванне, надеть чистое белье, данное Полей. Кроме этого, она дала три новые сорочки и байковые портянки. Из имевшегося запаса муки испекла несколько тонких лепешек. Все было уложено в вещмешок, и Полина с Марией проводили его до перекидного моста через реку Днепр в сторону Дарницы. Немец, стоявший на посту, проверил документы и сказал:

- Gut! Nach Hause zum Matka? Gut, gut! - и указал в сторону дороги на Дарницу.

Девушки, попрощались с Петром и направились в обратную сторону, в город. Что стало с ними, остались ли в Киеве или ушли в деревню, неизвестно. Разыскать их после освобождения Киева Петр не смог.

Предстоял долгий путь на Родину, с подстерегавшими его опасностями на дорогах Украины: Бровары, Нежин, Бахмач, Конотоп, Кролевец, Шостка, Ямполь, х. Михайловский, Середина-Буда; а также деревни Асовицкого сельсовета Комарического района родной Орловщины: Зёрново, Суземка, Невдолыск, Селечня, Война, Алешок.

Идти было нелегко не только физически, но и морально, душевно. Встречались сгоревшие села, уничтоженные дома и хаты, но терпеливые и гордые люди, ненавидевшие врагов, по крайней мере те, с которыми пришлось встречаться и разговаривать. От людей, у которых находил ночлег, крышу над головой, получал то, чем питался, получал кусок хлеба на дорогу. Для этого приходилось стучаться не в одну дверь населенного пункта. На ночевку принимали с неохотой, а больше с опаской - как бы чего не вышло. Чаще всего посылали к старосте, и только с его разрешения давали ночлег. Староста, как правило, направлял туда, где в семье кто-то находился в армии или к активистам советской власти села. Следует отметить, что немецкий документ, эта бумага, оказывала большую услугу в пути следования. С нею считались беспрекословно. Были в пути и перипетии, опасности.

В первый день пути, во второй половине дня, не доходя до города Бровары, посреди асфальтированной дороги, проходящей по лесному массиву, стоял вооруженный немец. В метрах 200-300 впереди Петра шли двое мужчин, он остановил их и направил вглубь леса. Через некоторое время был остановлен и Петр. В лесу, метрах в 100 от шоссе он увидел стоявшую грузовую автомашину большой грузоподъемности. Возле машины сновали люди. Они занимались погрузкой метровых дров, сложенных в кладушки для просушки. Немец проверил документы и сумку. Забрал одну лепешку и указал на лес, где шла погрузка дров. Работало пять человек. Эти дрова были заготовлены еще до войны. Петр стал помогать в подноске дров. Они были не толстые и не тяжелые. Все ребята, грузившие дрова, были молодыми, худощавого телосложения. Ясно было, что это военнопленные, на них была военная форма. Погрузка была закончена быстро, и Петру разрешили идти, а остальные остались. Вероятно, их повезли для разгрузки дров, а может и в лагерь. Отойдя на метров 300-400 и не слыша работы двигателя, Петр обернулся. Ни людей, ни машин не было.

Города он обходил, но от полотна железной дороги не отклонялся, больше шел по шпалам железнодорожной линии Киев – Брянск – Москва. Много пришлось пережить при следовании через станцию города Нежин. Путь выхода из Нежина указал встречный мужчина, он был коротким, но небезопасным. При подходе к железнодорожной станции, а ее обойти было невозможно, Петр увидел множество военнопленных, работавших на путях. Их охраняли немцы. Маневровых паровозов не было видно ни на путях, ни на формировании составов. Использовали изможденных военнопленных, одетых в разную одежду. На них кричали немцы и их холуи с белыми повязками на руках. Петр постарался быстрее удалиться и повернул влево в первый попавшийся переулок. Людей не встретил. Рядом с крайним угловым домом находился подвал, из которого были слышны разговоры. Дверь закрыта, в замочный навес вставлен штык от винтовки. Петр прошел по улице, у поворота за угол никого не было. Он быстро вытащил штык из петли, отбросил в сторону, где находился мусор и постарался скрыться на соседней улице. Выйдя из Нежина, попросился на ночевку, и, получив разрешение, Петр провел очередную, четвертую ночевку после выхода из Киева, приближаясь все ближе к Родине.

2-я ЧАСТЬ ДЕКАДЫ НОЯБРЯ

Подходил к концу ноябрь. Петр был уже несколько дней в пути. Местами встречался снег. Реки покрывались льдом, хотя и непрочным. Даже река Днепр, когда он уходил из Киева, была уже во льдах. Реку Сейм, находившуюся за Конотопом, переходил по льду и срезанным деревянным сваям с прибитыми к ним досками по основаниям ферм взорванного железнодорожного моста. Мост свалился с опоры (быка) и южная его сторона находилась в воде. Поезда не ходили. После перехода через реку в нескольких метрах за мостом навстречу Петру шел немецкий солдат, вооруженный автоматической винтовкой. Шел один по обочине железнодорожного полотна. Проходя мимо, Петр сказал:

- Guten Tag!

Немец ответил. Они разминулись, и Петр продолжал путь на север. К вечеру пришел к тупиковой ситуации на железнодорожной станции Кролевец.

Петр ночевал на вокзале. Зал был забит мужчинами разного возраста. Были и женщины, но мало. На полу потерянная солома, на которой расположились несколько человек. Среди присутствующих большинство в грязной верхней одежде, в фуражках, поношенных пальто, крестьянских полушубках. У каждого небольшие котомки с продуктами. Несколько человек отличались своей внешностью от основной массы людей. Чувствовалось, что среди людей были «слухачи» и «стукачи». Надо быть осторожным в разговорах с любопытными людьми. Дело в том, что он, чисто одетый и стройный, также выделялся своей одеждой из остальной толпы. Новое зимнее пальто из шерсти, хромовые сапоги, чистая белая сорочка и хорошая утепленная шапка из кожи типа шлема танкиста. Этот головной убор, как и сорочка, были даны Полиной Кравчук в городе Киеве.

Эти люди очень старались заводить знакомства, вести душевные разговоры, расспрашивая о немцах, как они относятся к населению, и о том, не слышно ли, где находятся партизаны. Уж очень подозрителен для Петра был хорошо упитанный мужчина лет около 30, одетый в теплое черное драповое пальто, в круглой теплой шапке, в хороших яловых сапогах.

- Был в плену, в Нежине, но откупился у немца за деньги, которые выиграл у военнопленных, - рассказывал он.
- Немцы не брезгают деньгами.

Этот тип был явно подозрительной личностью. Навязывался в попутчики. Интересовался откуда идет Петр и куда путь держит. О себе не хотел говорить ничего, откуда и куда идет, где родился. Старался приблизить к себе, так как Петр был одет не хуже него. Предлагал ложиться на отдых рядом с ним. Особенно заглядывался на хромовые сапоги, хотя они имели уже порядочно изношенные каблуки. Зал переполнился от набившихся к ночи людей. Стояла духота, кислый запах, вонь.

Петр перед сном решил выйти на перрон. Смеркалось, хотя было еще видно. Навстречу шел шатающийся в разные стороны мужчина в полупальто коричневого цвета и коричневым воротником. Вероятно, приняв Петра за кого-то из начальства, подошел и сказал, со слезами на глазах:

- Скажите, почему меня не хотят выслушать? Нас разбили, - продолжал он. - Никто нам не помог, хотя обещали.

Петр спросил у него:

- Почему вы так взволнованы?

- Меня не посчитали за чело века.

- Кто?

- Те, с кем я был.

- А где вы были? - спросил Петр.

- Выезжали на уничтожение партизан.

Петр понял, кто этот человек. Перед ним стоял пьяный полицейский. Надо было что-то предпринять, чтобы отвязаться от назойливого подонка. Однако, он терпеливо слушал и пытался уяснить сложившуюся или создававшуюся ситуацию на севере Украины, тем более, что приблизилась Родина со знаменитыми Брянскими лесами.

- Куда выезжали? - серьезно спросил Петр.

- В леса недалеко от Шостки.

- Каковы результаты?

- Нас разбили. Многие погибли. Пленных нет. Они неуловимы. А кто? - партизаны!

- Кто был на операции? Кто руководил карательной операцией?

- Участвовали полицейские, были и немцы. Немцы брали на операцию и гражданских, насильно.

Хотелось того или нет, но Петру пришлось выслушать то, что болтал, о чем говорил этот немецкий холуй. Петр понял, что никаких подозрений со стороны врагов он не вызывает. Наоборот, вызвал какое-то доверие у этого предателя. Вот что значит одежда для человека! Но с другой стороны, на него были устремлены взгляды недоверия и подозрительности тех, кто был в поношенной одежде.

Выслушав болтовню этого холуя, Петр спросил:

- Чем могу Вам помочь?

- Здесь на втором этаже вокзала находятся военнослужащие немецкой армии, кажется чехи. Пытался пройти к ним с докладом об операции против партизан, но меня не пропустили, - ответил этот человек.

Он был пьян и напился, кажется, после неудавшейся операции против партизан. И немецкие солдаты, как показалось Петру, по этой причине не допустили его в помещение, не стали разговаривать с ним.

Петр думал, как отделаться от него, однако, этого сделать не удалось. Этот человек взял Петра за левую руку, выше локтя, и просил вести его на второй этаж станционного здания. Это помещение находилось с противоположной стороны здания, в левом крыле. Петру ничего иного не оставалось, как идти с ним, выполнить его просьбу. Он понял, что его приняли за «своего» человека, и что ему, Петру, не следует опасаться непредвиденных случайностей. Он понял, что его внешний вид был на его стороне. Молодой человек в почти новом суконном пальто темно-синего цвета и хромовых сапогах вызывал подозрение, если не больше, у находившихся на станции людей.

Петр, а за ним и этот мужчина, поднялись по крутой деревянной лестнице на площадку второго этажа. Петр постучал в филенчатую окрашенную коричнево-красной краской дверь указанной комнаты. Послышался голос:

- Bitte!

Он открыл дверь, и смело вошел в комнату. Она была небольшого размера, длиной около 5,5-6,0 метров. У глухой стены справа были устроены нары, на которых находилась солома, покрытая светло-зелеными одеялами. У изголовья лежали подушки и солдатские ранцы. У стены слева между окон стояли винтовки. Посреди комнаты стоял широкий стол. За столом и на нарах находилось 8-9 солдат. По их разговору Петр понял, что это не немцы, а чехи. Их разговор был схож с разговором солдат, встретивших его недалеко от Васильевки, при подходе к трассе Новоград-Вольнский - Житомир. Некоторые солдаты были без гимнастерок, в нательных рубашках.

Петр вошел, поздоровался. На него смотрели с некоторым удивлением. Один из военных на ломаном русском языке спросил:

- Что надо? Мы слушаем.

Петр быстро ответил, что привел человека, который стоит за дверью.

- Он просит, чтобы вы его приняли. Он ходил на партизан и хочет о чем-то сообщить вам. Сказал только то, что поход был неудачным. Он очень просил привести его к вам, - сказал Петр. - Что я и сделал.

- Да, да! - сказал тот же военный, скорее всего командир, капрал.

Петр буквально толкнул этого карателя в комнату, а сам быстро спустился вниз по лестнице и скрылся в зале станции.

После этого случая он постарался не глядеть на людей. Ночь провел на вокзале. На следующее утро пошел слух,

что на станцию Суземка пойдет сборный поезд. Слух распространил один из работников железнодорожной станции Кролевец. Как потом стало известно, сборный поезд из нескольких пассажирских вагонов уже более двух недель курсировал между железнодорожной станцией Кролевец через хутор Михайловский до станции Суземка.

Вскоре подошел поезд с несколькими пассажирскими вагонами. Люди, следующие в северном направлении, разместились в вагонах. Среди них был и Петр. Во многих вагонах окна разбиты. Стоял холод. Билетов никаких не продавалось. Деньги за проезд не требовали. Из разговоров стало понятно, почему так много людей было на станции. Люди узнав, что на небольшом отрезке железной дороги начал курсировать поезд, ехали с разных направлений. В этом и была причина большого скопления людей на станции. В этом же поезде небольшими группами ехали немецкие солдаты. В вагоне, в котором оказался Петр, два купе было занято немцами, входа гражданских к ним не было. Гражданских в нем было мало, всего несколько молодых мужчин, но большая часть женщин пожилого возраста. Из разговоров было видно, что женщины приезжали в лагерь военнопленных в поисках родных или близких. Петру стало ясно, что здесь, как и в Житомирском лагере, немцы отпускали опознанных пленников.

Этот путь, проделанный в поезде, происходил в конце ноября месяца 1941 года. Появилось какое-то радостное ощущение и надежда на скорую встречу с родными и близкими. Приближалась Россия, родные места. Была надежда на встречу с родителями, с другом детства Михаилом Соболевым, жившим до войны в рабочем поселке железнодорожной станции Суземка Суздальского района. Как будто и небольшое расстояние от станции Кролевец до Суземки, где-то не более 100 километров, но преодолевать его пришлось несколько часов. Поезд шел медленно, на остановках долго стоял, особенно на станции хутор Михайловский. В вагон прошел слух, что поезд дальше не пойдет. В это время из купе, которое было занято немцами, вышел один из них. В руках он держал большую ковригу крестьянского хлеба, испеченного в русской печи. Он положил ее на столик и показал рукой, что ее надо разрезать и разделить между гражданами. Этим делом занялась не очень пожилая, но очень бойкая женщина, одетая в шубу. Небольшая краюшка досталась и Петру. Этот же немец сказал, что поезд скоро отправится до станции Буда. Действительно, через минут 10-15 поезд отправился на станцию Буда.

За окнами вагона на полях лежал белый снег. Чувствовалось, что он выпал накануне. В Кролевце его не было. 26 ноября часов около 14 поезд остановился на железнодорожной станции Буда, это на границе Украины с Россией. Было объявлено, что поезд дальше не пойдет. Все вышли из вагона, в том числе и немцы. Женщина, которая делила хлеб, поблагодарила немца за хлеб, он улыбнулся и сказал:

- Gut, gut! Auf Wiedersehen! - и ушел с немцами в помещение железнодорожной станции.

На улице был небольшой морозец. Среди пассажиров были попугички Петра, и это его успокаивало. Не одному же идти по железнодорожному полотну, проходящему по лесному массиву, началу Брянских лесов. Петр охотно составил им компанию. Шли группами по 2-3 человека, надо было засветло дойти до Суземки. В поезде, а потом в дороге до Суземки, он узнал, что населенные пункты, расположенные недалеко от железной дороги, не были затронуты войной.

- Мы войны не видели, - сказала одна из женщин. - Не видели отступающую Красную армию и немцев. Немцы пришли тогда, когда фронт был далеко на востоке. Они собирали сходки граждан, объявляли на них, что Красная армия разбита и избирали местную власть: старосту, полицию. Колхозы не распускали, заставляя работать сообща, как и раньше.

- Все надо делать для того, чтобы снабжать армию-освободительницу продуктами и всем необходимым. Вывешены объявления, чтобы все коммунисты являлись в управу для регистрации. Немецкие власти гуманны и ничего плохого им не сделают. Они должны, как и все граждане, честно и добросовестно работать, выполнять распоряжения властей, это касалось и военнослужащих Красной армии.

Из рассказов граждан было ясно, что в тех населенных пунктах, которые оказались в стороне от военных действий, немцы не показывали себя такими, какие они были на самом деле. Они старались казаться гуманными, чтобы привлечь на свою сторону население. С другой стороны Петру, прошедшему около 400 километров по Украине, становилось ясным, что немцы и их новый порядок начинают ощущать не только неповиновение немецким властям, но и открытую борьбу. Наглядным примером этого явился рассказ полиция на железнодорожной станции Кролевец о проведенной операции против партизан в районе Шостки на Сумской земле. Вывод был один - борьба против врага на оккупированной и поруганной им территории уже начинается и будет усиливаться. С такими мыслями он вместе с попутчицами дошел до станции Суземка, районного центра бывшей Орловской области.

СУЗЕМКА

Наступали сумерки коротких ноябрьских дней. Попутчицы Петра распрощались с ним, и пошли каждая в своем направлении к приближавшемуся рабочему поселку городского типа, райцентру Суземского района. На вопрос Петра, знали ли они Соболева Абрама, жителя Суземки, женщины ответили - нет. Подробности о нем, о его профессии он не стал говорить, так как не знал, где работал Абрам. Попутчицы пожелали ему скорее найти адресата и счастливого пути до дома, к своим родителям. На приглашение пойти к кому-либо из них на ночевку он отказался, надеясь найти Абрама.

Свернув с полотна железной дороги при подходе к Суземке, они ушли в сторону центра, оставляя за собой следы на недавно выпавшем снегу. Улицы были безлюдны и покрыты снежной порошей по сырой земле. Из труб крестьянских изб, покрытой щепой, дором (дощечки длиной до 2 м и шириной 9-18 см) или соломой, шел легкий белый дымок.

Петр думал о том, как быстрее найти дом, где жила до войны семья Соболева Абрама Дмитриевича, его односельчанина. С сыном Михаилом, почти ровесником, Петр провел свое детство в деревне, где они родились и учились. В их доме ему пришлось бывать в начале декабря 1939 года, когда он с группой молодых ребят направлялся Севским ГВК для поступления в Львовское военно-пехотное училище, созданное вскоре после воссоединения с

Западной Украиной. Пробыл он тогда в этой семье около двух часов в ожидании прибытия поезда Москва – Киев. С того дня прошло почти три года, в течение которых произошли большие перемены в жизни райцентра и страны в целом. В голове возник вопрос - а живут ли они в Суземке? Может быть, переехали в Алешок или еще куда-нибудь. Подходя к улице, на которой, как ему казалось, жила данная семья, он увидел, как из одного дома вышла женщина с ведрами, направлявшаяся навстречу ему к водопроводной колонке. Петр ускорил шаг, подошел к ней и спросил о данной семье. Женщина средних лет выслушала его, окинув взглядом с ног до головы, и, ничего не спросив, указала на дом, где жили Соболевы. Петр, поблагодарив ее, направился в указанный дом, что находился невдалеке.

Часов в 5 вечера 26 ноября он переступил порог этого дома. Навстречу ему вышла тетя Даша, мать Михаила. Узнав Петра, она очень обрадовалась, и на глазах ее появились слезы:

- Жив? Какими судьбами, откуда?

Петр рассказал ей о себе, как все было после декабря 1939 года. Об учебе, о передислокациях училища в города Овруч и Киров, как вступил в войну. Рассказал о ранении, как ему помогали сельские, добрые люди на Житомирщине, как его спасли от плена, а может быть и от смерти, о том, куда направлялся, и о долгом своем пути до этого дома. Тетя Даша рассказала о жизни, печалях, заботах в немецкой оккупации. Ее муж был призван в армию в начале войны, сын Михаил - тоже. Где они находятся и живы ли, она не знала. Собирается перебраться в Алешок. Часть домашних вещей отправила до прихода немцев. Откуда они пришли в Суземку было неясно, говорят, что со стороны Севска, города расположенного ближе всего к железнодорожной станции Суземка. Петр попросил рассказать, что было известно о деревне Алешок, о своих родителях, родных, о жизни односельчан, если она знает. Тетя Даша сказала, что населенные пункты Алешок, Война, Селечня войной не были затронуты. Бои в этих селах не происходили. Многие жители, мобилизованные в начале войны, возвратились домой. В селах пока спокойно. О борьбе партизан ходят слухи, правдивы они или нет, никто не знал. Со стороны немцев насилия не видели, как и их самих. Население заставляют платить налоги зерном, мясом, продуктами животноводства. О родителях Петра ничего не сказала. Это все, о чем рассказала тетя Даша. Это были краткие известия о родных местах.

Наступила ночь. Следующий день должен стать последним в долгом пути Петра до дома отца. Утром 27 ноября, распрощавшись с тетей Дашей, он оставил Суземку и надеялся, если не будет непредвиденных обстоятельств, дойти до родного дома. Утро было туманное, стоял небольшой морозец. Улицы небольшого райцентра Орловщины были покрыты небольшой порошей. Выйдя на железную дорогу у переезда, находящегося недалеко от железнодорожной станции при въезде в Суземку, со стороны Кокоревки встретился с человеком, которого знал до войны почти с детства, и узнал его сейчас. Он был в коротком коричневом полушубке со стоячим узким воротником. Полушубок легко облегал его высокую сутуловатую фигуру, на ногах яловые поношенные сапоги, на голове шапка-ушанка, в руке старая корзинка. Не узнать Петр его не мог. Встреча была случайная, одного обрадовала, другого удивила и насторожила. Поздоровались.

- Извините, вы не скажете который час? - обратился мужчина.

- Часов нет, но сейчас где-то начало девятого, или около 8 утра, - ответил Петр. Затем немного подумал и произнес. - Здравствуйте, Федор Анисимович!

Услышав приветственные слова, мужчина выпрямился и начал смотреть в лицо стоящему перед ним молодому человеку, одетому в темно-синее суконное пальто, в хромовых сапогах и шапке. Показалось, что это «Здравствуйте!» вызвало какое-то подозрение у этого человека, который на минуту растерялся. Посмотрев еще раз на Петра, он сказал:

- Вы ошибаетесь молодой человек. За кого-то другого меня приняли.

- Федор Анисимович, простите меня, - сказал Петр. - Я вас знаю, вы из Асовицы, я из Алешка, меня зовут Петром, мой отец - Морозов Фрол Никитович, дяди мои - Егор и Прокофий, Прокофий - ваш друг. Вы меня должны знать и, наверное, сейчас вспомните.

Петр рассказал о себе очень коротко, так как продолжительная встреча могла вызвать подозрение появляющихся на улицах людей, да и кое-кого другого. Услышав сказанное, у Федора Анисимовича Моначенкова порозовело лицо, заискрилось в глазах. Он изменился, расслабился и добродушно сказал:

- Да, я тебя вспомнил. Никогда не думал здесь в Суземке в такое время с тобой встретиться. Не узнал, да и не мог узнать. Принял за другого. Откуда едешь и куда? - спросил он. - Только коротко, я тебя провожу немного. Не знаю, живы ли родные и близкие. Отец и дядя Егор живы, о Прокошке ничего не знаю. Дома его нет, - сказал Федор Анисимович.

Он пожелал хорошо дойти до дома, просил передать привет отцу, и... никому другому ни звука об этой встрече.

- Надеюсь, мы еще увидимся. Нам пора распрощаться, а то вызовем подозрение. Люди уже появились на улицах.

Федор Анисимович достал кيسет с самосадам, сделал самокрутку, закурил и они разошлись в разные стороны. Петр держал путь на Невдольск - Семеновское - Алешок, а Федор Анисимович - в сторону Суземки.

МОНАЧЕНКОВ ФЕДОР АНИСИМОВИЧ.

Родился в конце XIX начале XX века в селе Асовица. До войны занимал разные партийные и советские должности, участвовал в коллективизации сельского хозяйства, работал председателем Асовицкого сельсовета, дружил с дядей Петра, Прокофием. В период немецкой оккупации участвовал в организации партизанского движения в Комарическом районе Орловской области. В конце 1942-1943 годов был комиссаром партизанской бригады имени Молотова. Сразу же, в оказавшихся под угрозой немецкой оккупации районах, партийной организацией создавались партизанские отряды. Комиссаром одного из них был назначен Ф.А. Моначенков, член ВКПб.

В июле 1943 года, в период битвы на Орловско-Курской дуге, немцы бросили большие силы на уничтожение партизанских отрядов южных районов Брянских лесов. Создалось тяжелое положение. Многие погибли в неравных боях,

некоторые, вырвавшись из кольца карателей, спрятались у родственников и знакомых. Также поступил и Ф.А. Моначенков. Он надеялся найти укрытие у своей сестры в деревне Алешок, муж которой, будучи связанный с полицией, выдал его. Потом над ним издевались полицейские-односельчане, а затем расстреляли в селе Асовица. Федор Анисимович не дожидаясь радостных дней освобождения Брянщины в сентябрьские дни 1943 года.

После встречи в поселке Суземка 27 ноября 1941 года Петр неоднократно встречался с ним в декабре 1941 - мае 1942 годов.

Но об этом дальше...

НА ПУТИ К ФИНИШУ.

Расставшись с Федором Анисимовичем, Петр направился по грунтовой дороге по карте в направлении города Севска. Он хотел дойти до Невдольска, а оттуда повернуть на Семеновск и через лес на Алешок. Это был самый короткий путь, но дойдя до Негино, он ошибся и пошел по другой дороге, которая привела его в село Селечня, откуда путь был длиннее в два раза. От Суземки до Селечни было 25 километров, и об этой ошибке он узнал, когда вступил на окраину села Селечня. Немного отдохнув, Петр решил идти в село Война, до которого оставалось километров 5-6. Там жили сестра и братья его мачехи. Придя в село Селечня, он хотел найти товарищей по учебе в Севском педагогическом училище, но самое главное - родных Пузина Ивана, с которым поступил и учился в военном училище, а до этого в Севском педагогическом. Были там и другие ребята, точнее жили родители товарищей, с которыми он учился в педучилище города Севска. Однако, уже смеркалось и Петр направился в село Война. Пришел туда, когда в окна крестьянских изб горели керосинки и лучинки.

СЕЛО ВОЙНА. СЕМЬЯ КОНОВАЛОВА АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА.

Петр до войны не раз бывал в селе вместе с родителями, отцом и мачехой, в праздничный день Успения, отмечающийся 28 августа. Был и в годы учебы в педучилище, 1937-1939 годы с дядей Алексеем работал в летние каникулы на тракторе прицепщиком Степновской МТС. В селе Война жили старший брат мачехи Константин Егорович Матюшкин и два других брата - Николай и Иван. Николай был женат, а Ивана в селе не было, где он находился, никто не знал. Сестра мачехи, Прасковья Егоровна, была моложе ее, очень добрая и гостеприимная женщина, с открытым сердцем. Петр ее очень уважал, если не сказать, что любил. К ней он имел самые добрые чувства. Такое же уважение имел Петр и в отношении к ее супругу - Коновалову Алексею Дмитриевичу. По специальности он был тракторист, несколько лет работал по специальности в колхозе «Заря» в деревне Алешок. Он привлек Петра к работе в тракторной бригаде в летнее время. Петр охотно работал прицепщиком у дяди Алексея в течении двух летних месяцев.

Из Селечни придя в село Война, направился в семью Коноваловых. Часов в 6 вечера 27 ноября постучался в дверь этих прекрасных и уважаемых им людей. Петр был неожиданным гостем. Тетя Прасковья, ее муж Алексей и их дети, сыновья Василий и Алексей и дочь Полина, были рады его появлению. Эта весть быстро дошла до родственников, которые сразу пришли в дом Коноваловых со своими семьями, хотя уже было позднее время. Они были рады, что он жив.

Петр был рад гостеприимству близких ему людей. Расспросы и рассказы о войне, об отношении немцев к населению на оккупированной территории Украины и об отношении к оккупантам. Петр рассказывал до глубокой ночи, что знал, что сам видел, что сам перенес на себе за несколько месяцев нахождения на оккупированной территории.

Самого же Петра интересовали вопросы их жизни при немцах. Больше всего он хотел знать о своих родителях, братьях и сестрах, а также родственниках, живущих в деревне Алешок. Он был рад услышанному сообщению о том, что все живы и здоровы, и что находятся в деревне, за исключением дяди Прокофия. Обо всех, о ком говорил Моначенков, со всеми предстояла встреча, с родителями и родственниками. Она состоялась во второй половине дня 28 ноября 1941 года.

Ровно через два года, переступив порог родного дома, он оказался среди своих родных братьев и сестер. Начиналась новая страница в его жизненном пути на территории родной земли, оккупированной врагом...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ